ПЛУТАРХЪ

ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА,

или

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ВЕЛИКИХЪ И СЛАВНЫХЪ ЖЕНЪ ВСѢХЪ НАЦІЙ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочин. Гг. Бланшарда и Пропіака.

ЧАСТЬ IV.

Изданіе С.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1817.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, предоставлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Августа 24го дня 1816 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Цензоръ Михаилъ Сергѣевъ.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
9-31-28 197а

ПЛУТАРХЪ
ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА.

ЛЕОНОРА ГАЛЛИГАЙ.

Леонора Галлигай была дочь одного столяра и кормилицы Маріи Медицейской. Принцесса сія такъ полюбила Леонору, что въ 1606 году, отправляясь во Францію для вступленія въ бракъ съ Генрихомъ IV, взяла ее съ собою. Леонора, занявъ тогда при Королевѣ мѣсто Каммер-Фрейлины, такъ возобладала умомъ ея, что располагала Государынею по своей волѣ; дѣвица Галлигай была чрезвычайно ловка, довольно умна, хитра и лукава. Она вышла въ замужество за Кончини, послѣ бывшаго Маршала д'Анкръ, также Флоренцинскаго урожденца, въ одно время съ Принцессою

Маріею пріѣхавшаго во Францію. Сначала былъ онъ Каммерь-Юнкеромъ, по-томъ дослужился до Шпалмейстера, наконецъ, мало по малу, чрезъ посредство жены своей, достигъ высочайшихъ въ Государствѣ степеней. Чета сія общими силами старалась пимать несогласіе, раздѣлявшее тогда Королеву съ ея супругомъ, такъ что наушничество ихъ и хитрые вымыслы были единственною причиною тѣхъ домашнихъ неустройствъ, кои отравили горестію жизнь Генриха Великаго.

По смерти Короля, имъ еще легче было овладѣть Государыней. Будучи равно алчны къ корысти и почестямъ, они захватили въ свои руки самыя прибыльныя и блистательныя должности. Высота, на коей они находились, сдѣлала ихъ столь дерзкими и гордыми, что Леонора Галлигай не только первѣйшимъ въ Государствѣ людямъ, но и самымъ Принцамъ и Принцессамъ не позволяла входить къ себѣ въ комнату, и

77567.

даже прямо смотрѣть на себя; ибо она всегда признавалась, что пугается, когда кто нибудь смотритъ ей въ лице, и притомъ опасается быть околдованною.

Скоро по смерти Генриха IV, Кончини купилъ себѣ Маркизатство д'Анкръ въ Пикардіи. Послѣ того сдѣлался онъ первымъ Каммергеромъ Короля, Губернаторомъ въ Аміенѣ, Перонне, Руа и Мондидьерѣ, а нѣсколько позже и Маршаломъ Французскимъ. Честолюбіе его не знало предѣловъ; въ публикѣ онъ никогда не показывался просто, но всегда окруженный свитою, состоявшею изъ двухъ сотъ человѣкъ дворянъ, коихъ содержалъ онъ на своемъ жалованьѣ, и которыхъ обыкновенно называлъ бѣдняками въ тысячу ливровъ. Стараніе его очевидно клонилось къ тому, чтобы все себѣ присвоить и всѣмъ распоряжать по своему произволу. На сей конецъ удалилъ онъ мудрыхъ и справедливыхъ мужей изъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто ихъ посадилъ

ВР-08

своихъ любимцевъ. Въ его рукахъ находилось все управленіе Государства: онъ раздавалъ чины, умножалъ число друзей своихъ въ войскѣ и въ большихъ городахъ, грозя мщеніемъ всѣмъ тѣмъ, кои захотѣли бы противиться ему и его почитателямъ.

Людовикъ XIII, не могши долѣе сносить его безпредѣльной гордости и самой безстыдной наглости, и сверхъ того будучи убѣжденъ извѣстнымъ Луине, что съ каждымъ днемъ возрастающіе безпорядки въ Государствѣ до тѣхъ поръ не могутъ быть прекращены, пока живъ Кончини, приказалъ начальнику своихъ тѣлохранителей, по имени Витри, убить его; и въ слѣдствіе того, Кончини, во время переѣзда своего чрезъ Луврской подъемный мостъ, застрѣленъ былъ изъ многихъ пистолетовъ, 1617 года, 24 Апрѣля. Въ день погребенія его, чернь выпащила изъ могилы трупъ своего тирана и подвергла его ужаснѣйшему поруганію. Сперва влачили его по всѣмъ улицамъ, потомъ повѣсили за ноги на

77567.

той самой висѣлицѣ, которую сей несчастный приказалъ поставить для своихъ хулителей. У трупа отрѣзали носъ, уши и другіе члены, сняли его потомъ съ висѣлицы и изрубили все тѣло въ мѣлкіе куски. Всякой желалъ имѣть какую нибудь часть — и уши особливо весьма дорого были проданы; внутренность брошена въ Сену; одна часть трупа сожжена на новомъ мосту передъ статуею Генриха IV, а другая изжарена и брошена собакамъ, а Волтеръ увѣряетъ, что были столь ожесточенные люди, которые рвали зубами его мясо. —

До какой степени Людовикъ XIII униженъ былъ симъ Флорентинцемъ, и сколь живо онъ чувствовалъ сіе, явствуетъ изъ той бумаги, которую сей Государь, въ день совершенія казни надъ Маршаломъ, разослалъ къ намѣстникамъ провинцій: „Ни мало не „сомнѣваюсь, такъ въ ней напечата„но было, что по теченію, какое при„няли общественныя дѣла, по смерти „Короля, моего родителя, видѣли вы,

ВФ-08

„какъ Маршалъ д'Анкръ и жена его „злодѣйски пользовались моею неопыт- „ною юностію, и какъ они, посред- „ствомъ вліянія своего на Королеву, „мать мою, успѣли все вамъ захва- „тить въ свои руки, всѣми дѣлами въ „Государствѣ управлять по своей во- „лѣ, а меня совершенно отдалить „отъ оныхъ — и сіе послѣднее уда- „лось имъ такъ хорошо, что никто „не смѣлъ ко мнѣ приближиться, ни- „кто не смѣлъ со мною говорить о „дѣлахъ Государственныхъ, и мнѣ ни- „чего болѣе не оставалось, кромѣ од- „ного имени Короля. Я чувствовалъ „сіе; но зная опасность, какой могъ „бы подвергнуть и себя и Францію, „возставши явно противъ неограни- „ченнаго владычества сихъ людей, „принужденъ былъ сокрыть негодова- „ніе свое и молчать до тѣхъ поръ, „пока Всевышній не подастъ мнѣ „средствъ и случая искоренить сіе „зло.“

Людовикъ услышавъ, что Маршалъ убитъ, выглянулъ изъ окна и

77567.

сказалъ своимъ тѣлохранителямъ: „Бла„годарю васъ — я теперь Король!“ Когда Епископъ Люсанскій, послѣ извѣстный подъ именемъ Кардинала Ришелье, отправлявшій въ то время должность Государственнаго Секретаря и пользовавшійся отличнымъ расположеніемъ Маршала, спустя нѣсколько времени послѣ смерти сего послѣдняго, явился къ Людовику: то сей Король сказалъ ему: „Слава Богу! „наконецъ мы освободились отъ ти„ранской власти!“

Супруга Маршала Галлигай была первою виною возвышенія Кардинала Ришелье, когда онъ былъ очень молодъ и назывался Аббатомъ Шильіонъ; она доставила ему Епископство Люсанское и мѣсто Государственнаго Секретаря.

Леонора Галлигай, получивъ извѣстіе о несчастной судьбѣ супруга своего, приняла въ ней такое участіе, которое показало, что привязанность ея къ нему основана была только на корысти. Ни одна слеза не омочила

ВФ-08

глазъ нѣжной супруги, заботившейся болѣе всего о сбереженіи своихъ драгоцѣнныхъ вещей; почитая безопаснымъ для нихъ убѣжищемъ свой чепчикъ, спрятала ихъ подъ нимъ и легла спокойно въ постель. Но чиновникъ, посланный правительствомъ для отобранія отъ нее всѣхъ драгоцѣнностей, принудилъ ее встать и конфисковалъ весь грузъ чепчика: тогда Леонора, обратясь къ приставленнымъ къ ней солдатамъ, сказала: „Развѣ не довольно съ васъ, что вы умертвили моего мужа? По крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ позволено выѣхать изъ Франціи?“ — Ее увѣдомили, что тѣло покойнаго ея супруга виситъ на висѣлицѣ; ето нѣсколько ее тронуло, но не заставило плакать — и она, спустя минуту, весьма равнодушно начала говорить, что мужъ ея былъ человѣкъ высокомѣрный, безстыдный и достойный своей участи, что послѣдніе три года страдала она отъ его холодности, что имѣла намѣреніе просить развода и потомъ, съ наступле-

875675

ніемъ весны, ѣхать обратно въ Италію; чему можетъ служить яснымъ доказательствомъ между прочимъ и то, что у нее все приготовлено было для сего путешествія.

Леонора оставалась спокойною, не воображая себѣ никакой опасности, и даже говорила, что надѣется снова заслужить милость Королевскую. Но скоро ее заключили въ Бастилію и потомъ отвели въ Консьержери, темницу Парламента, который, судивъ ее въ Государственной измѣнѣ, приговорилъ ее къ смертной казни 8 Іюля, 1617 года. Замѣчательно, что пять Совѣтниковъ отказались присутствовать въ Парламентѣ при ея осужденіи. Леонорѣ отрубили голову и тѣло ея предали сожженію.

Слухъ носился, что она съ мужемъ своимъ не только втайнѣ исповѣдывала Іудейскую вѣру, но даже и упражнялась въ чернокнижіи — и когда, по поводу сего, Совѣтникъ Парламента Куртень спросилъ Леонору: какое колшебство употребила она съ мужемъ

ВР-08

для овладѣнія душею Королевы Маріи Медицейской: *Наше волшебство*, отвѣчала несчастная, *состояло въ томъ могуществѣ, какое имѣютъ умные надъ глупцами.*

ПРИНЦЕССА УРСИНИ.

Принцесса Урсини, столь славная въ Исторіи интригами своими при Мадритскомъ Дворѣ въ началѣ XVIII столѣтія, была супруга Флавія Орсини, смертію коего пресѣклось знаменитѣйшее въ Римѣ и въ Неаполѣ поколѣніе, отъ коего произошли разные Кардиналы и Папы. Оставшаяся послѣ Орсини вдова Урсини имѣла такую власть надъ Филиппомъ V, Королемъ Испанскимъ, что миръ въ 1713 году отсроченъ былъ единственно потому, что ей желалось выговорить для себя независимое въ Нидерландахъ Княжество, которое намѣревалась она обмѣ-

877567.

нять Людовику XIV на Туренскую провинцію. Не сомнѣвалась въ успѣхѣ предпріятія своего, поручила она Гну. Обинье, одному изъ друзей своихъ, немедленно отправиться въ помянутую провинцію и тамъ на прекрасномъ мѣстѣ построить приличной ея достоинству замокъ.

Когда планъ Принцессы Уренни вразсужденіи Княжества не пощастливился: то поспѣлъ другой, который казался ей болѣе сбыточнымъ по ея могуществу надъ Королемъ и по слабости его характера, а именно: она хотѣла выйти за него въ замужство. Но какъ и сіе не удалось: то она всячески старалась удержать за собою власть, въ которой наперсница сначала безъ опасенія выходитъ изъ предѣловъ, и которая хотя послѣ подкрѣпляется долговременною привычкою; однако можетъ быть разрушена самомалѣйшимъ случаемъ. Король Испанскій не могъ обойтись безъ женщинъ и сдѣлавшись набожнымъ, сталъ опять говорить о бракѣ. Принцесса

ВФ-08

Урсини, лишась надежды быть супругою Филиппа, разочла, что всего выгоднѣе будетъ для нее то, когда она сочетаетъ его бракомъ съ такою Принцессою, которая по своему положенію не могла ожидать столь высокаго щастія и будучи обязана онымъ только ея посредству, всегда останется зависимою отъ нее. Она обратила вниманіе свое на дочь Герцога Пармо-Фарнескаго; Алберони поручено было сіе дѣло — бракъ свершился. Король оставилъ Мадритъ и поѣхалъ на встрѣчу къ новой Королевѣ. Когда они, будучи на послѣдней станціи, находились другъ отъ друга только въ двухъ миляхъ, Урсини поспѣшила напередъ, нетерпѣливо желая познакомиться съ Королевою, отъ коей многаго ожидала; но какъ она удивилась, когда принята была ею съ гордостію и хладнокровіемъ! Принцесса Урсини хотѣла при Королевиномъ туалетѣ нѣчто поправить въ головномъ уборѣ — и должна была слышать себѣ упрекъ въ наглости и без-

877567

стыдствѣ. — Тогда видя такое къ себѣ неблаговоленіе, она съ удивленіемъ, досадою и отчаяніемъ оставила Дворъ. Она еще болѣе огорчилась, когда Донзага, Королевской Лейбгвардіи Офицеръ, объявилъ ей, чтобы она немедленно подъ его присмотромъ отправилась во Францію, и что ей запрещено писать къ Королю, или съ кѣмъ либо говорить. Она безпрекословно повиновалась, сѣла въ карету съ Донзагою, другимъ Офицеромъ и съ одною еще дѣвушкою, въ полномъ нарядѣ, даже не взявъ съ собою бѣлья на дорогу.

Не льзя описать того, какое должна была Принцесса сія терпѣть дорогою безпокойство; однако она не теряла своей твердости, не обнаруживая ни малѣйшаго негодованія и не произнося ни одного слова, въ коемъ бы могла она упрекнуть себя. Тогда она показала примѣръ такого мужества, коимъ женщины чаще одушевляются, нежели мущины. Вся Европа удивлялась толь быстрому и неожиданному

ВФ-08

оборотy счастія — тѣмъ болѣе, что причина онаго была скрыта; наконецъ узнали отъ Герцогини де Сен-Піеррь, долгое время бывшей любимицею Испанской Королевы, что Принцесса Урсини лишилась милости по содѣйствію самого Короля. — Королева на пути своемъ въ Испанію получила отъ будущаго супруга своего письмо, въ коемъ онъ просилъ ее: „чтобы она, во чтобъ то ни стало, отдалила отъ себя Принцессу Урсини, которая если опять явится ко Двору: то помѣшаетъ брачному союзу, какъ она то дѣлала при жизни покойной Королевы.“ — Надобно себѣ представить замѣшательство юной Принцессы, когда она должна была выбирать одно изъ двухъ: или непослушаніемъ своимъ огорчить супруга своего, коего любовь хотѣла она выиграть, или первый шагъ свой къ новому достоинству своему ознаменовать неблагодарностію. Она долго, по собственному ея признанію Герцогинѣ де Сен-Піеррь, боролась сама съ собою; наконецъ пожерт-

877567

вовавъ собою, пожертвовала своею благодѣтельницею, въ которой находила она свою соперницу. Можно сказать, что едва ли бы другой какой ударъ могъ чувствительнѣе сразить Принцессу Урсини. Сія женщина, игравшая столь странную ролю, умерла въ 1722 году.

ГЖА ПЮИЗЬЕ.

Магдалина Дарсанъ де Пюизье родилась въ Парижѣ; мужъ ея извѣстенъ многими переводами, а она прославилась сочиненіями многихъ романовъ, между прочими: *Заморомъ* и *Алмазикою*, особенно *совѣтами* и *характерами*, напечатанными въ Лондонѣ 1750 года. Паллиссотъ отдаетъ справедливость таланту и уму сей просвѣщенной женщины. Въ сихъ двухъ ея сочиненіяхъ находятся довольно важныя и тонкія замѣчанія о различныхъ пред-

ВД-08

метахъ, касающихся до жизни человѣческой. Такъ какъ жизнь Гжи Пюизье не содержитъ въ себѣ почти никакихъ важныхъ и занимательныхъ происшествій: то мы ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ ея сочиненій, признанныхъ прекрасными.

„Еслибъ я была мущина: то хотѣла бы лучше выдавать себя за учтиваго, нежели за волокиту. Учтивость показываетъ хорошее воспитаніе, а волокитство — всеобщее пристрастіе къ женщинамъ, довольно худо награждаемое. Записные волокиты въ молодости своей достаются въ удѣлъ ославившимъ себя женщинамъ, а въ старости презираются какъ сими, такъ и другими: ни одна ихъ не утѣшитъ.“

„Терпѣніе есть добродѣтель хладнокровныхъ. Я нахожу ее очень полезною, весьма дивлюсь ей въ другихъ; но сама бы хотѣла неотмѣнно обойтись безъ нее. Родясь съ пламен-

0787567

ными недостатками, какъ можемъ мы исполнить тѣ добродѣтели, коихъ намъ недостаетъ! Терпѣніе я лучше предоставляю друзьямъ своимъ."

„Изо всѣхъ путей, ведущихъ къ щастію, самый лучшій есть кратчайшій и менѣе другими проходимый. Есть люди, идущіе всегда большою дорогою; они мѣшаются въ толпѣ людей и никогда не достигаютъ своей мѣты."

„Не надобно въ обществѣ быть ни злорѣчивымъ, ни молчаливымъ."

„Злорѣчиваго ненавидятъ и боятся, а молчаливаго подозрѣваютъ въ малоуміи; а еще что всего оскорбительнѣе, думаютъ, что ему нужно снисхожденіе."

„Есть люди, которые, дѣлая все съ размышленіемъ, дѣлаютъ отъ этого хуже. Гораздобъ лучше было не очень ломать свои головы, а давать такой ходъ всѣмъ происшествіямъ, какой имъ должно имѣть. Время и случай все приводятъ въ совершенство, а наше умничанье иногда болѣе

разстроиваетъ наши дѣла и насъ самихъ."

„Всѣ хотятъ быть хитрыми, думая, что хитрость есть признакъ великаго ума. Какое заблужденіе! Я видала въ людяхъ весьма ограниченныхъ непостижимыя хитрости, коихъ не могли проникнуть самые дальновидные люди. Хитрость въ словахъ предосудительна; за чѣмъ тамъ подыматься на хитрости, гдѣ насъ хорошо понимаютъ?"

„Нѣкоторые люди охотники отличаться на щетъ другихъ, даже на щетъ друзей своихъ. Они лучше хотятъ потерять друга, чѣмъ проронить острое словцо. Вѣтренымъ людямъ по неволѣ надобно быть снизсходительнымъ."

„Есть два рода людей, съ коими не надобно имѣть ничего общаго — сей родъ есть злые и глупые. Удалиться отъ злыхъ часто зависитъ отъ насъ самихъ; но удалиться отъ глупцовъ мы не въ силахъ. По обыкновенному способу сужденія, скажутъ,

07877567.

что все въ свѣтѣ противности. Хорошо. Однако отъ глупости болѣе краснѣютъ, нежели отъ злобы, а можетъ быть, и не безъ причины. Глупцы останутся глупцами, а злые могутъ сдѣлаться добрыми."

„Нынѣ притворство не въ употребленіи. Нынѣ ужь всякой подымается на хитрости. Еще не было на свѣтѣ такого зла, котораго бы люди не опвѣдали — и такого добра, изъ коего бы не сдѣлали предлога для зла. Добру подражаютъ, а превзойти его никакъ не хотятъ, или не могутъ. Вотъ въ чемъ еще состоитъ разница между добромъ и зломъ! И по сей-то причинѣ мы не превосходимъ нашихъ отцевъ, а наши отцы не лучше нашихъ праотцевъ. Умъ и глупость принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ; онѣ и теперь есть и тогда были; разность только въ томъ, что нынѣ очистился вкусъ — да развратились нравы."

„Слава наша зависитъ отъ мнѣнія другихъ. Вотъ по чему тѣ остаются въ безвѣстности, коихъ достоин-

ства, заслуги не громки. Какъ смѣшна надежда наша — всѣмъ понравиться и угодить — смѣшна потому, что не сбыточна."

„Прекраснѣйшія мысли старѣются; однѣ только прекраснѣйшія дѣянія всегда новы."

„Единообразіе утомляетъ насъ. Я два раза съ удовольствіемъ смотрю одну и ту же оперу, а въ третій — скучаю. Все, что служитъ къ пріятному занятію чувствъ нашихъ, должно быть весьма разнообразно. Впрочемъ, когда душа наша удовольствована какимъ либо предметомъ — она имъ долго занимается. Такое наслажденіе не прискучиваетъ."

„Съ глупыми надобно весьма быть умнымъ и осторожнымъ. Ничто не награждаетъ глупостей другихъ; дѣлая глупости, они находятъ въ нихъ нѣкое удовольствіе и выгоду."

„Когда какое либо предпріятіе очень трудно: тогда надобно его пре-

0078756?

доставить случаю. Иногда гораздо лучше полагаться на счастіе свое, чѣмъ на благоразуміе. Есть люди, которые ни о чемъ не заботятся, ничего не ищутъ, а все находятъ; за то есть и такіе, кои за всѣмъ гоняются и ничего не поймаютъ!"

„Великое безуміе думать, что все идетъ по своей волѣ. Безуміе другихъ не составитъ истиннаго моего благополучія. Надобно забавляться надъ смѣшнымъ, судить безъ ядовитости, а болѣе всего самому стараться избѣгать смѣшнаго. Мы всего смѣшнѣе бываемъ, когда смѣемся надъ другими тому, что въ насъ самихъ есть."

„Лучшее употребленіе нашихъ богатствъ есть вспоможеніе людямъ, въ самой бѣдности своей богатымъ душевными достоинствами своими."

„Истинное средство жить безъ скуки, умереть безъ сѣтованія, состоитъ въ подчиненіи всѣхъ дѣяній сво-

ихъ правотѣ и благонамѣренности. Сѣтованіе происходитъ отъ неудовольствія, а неудовольствіе на самихъ себя отъ собственныхъ своихъ глупостей."

ГЖА. ВИЛЬДЬЮ.

Марія, Катерина, Гортенсія де Жардень де Вильдью родилась въ Аланконѣ 1640 года. Отецъ ея былъ смотрителемъ за исправностію мостовыхъ того города, а мать горничною у Герцогини Роганъ. Ее воспитывали очень хорошо; дарованія ея открылись въ самыхъ юныхъ лѣтахъ ея. Мы умолчимъ о первыхъ годахъ ея молодости, а скажемъ токмо то, что она имѣла счастіе въ Герцогинѣ Роганъ найти сострадательную себѣ благодѣтельницу, которая, не смотря на ея проступокъ, заставившій ее удалиться изъ родительскаго дома и

0787567.

пріѣхать въ Парижъ, помогала ей въ несчастіи.

Дѣвица де Жардень, прославившаяся въ Парижѣ и Аланcонѣ нѣкоторыми стихотвореніями своими, совершенно посвятила себя Поезіи. Она написала въ стихахъ трагедію *Манлій Торкватъ*, которая съ успѣхомъ играна была на театрѣ. Спустя нѣсколько времени, выдала она въ свѣтъ другое драмматическое сочиненіе: *Ницетисъ*; однако оно не имѣло желаннаго успѣха: съ тѣхъ самыхъ поръ писательница сія, оставивъ Мелпомену, стала писать романы, кои приняты были публикою съ удовольствіемъ.

Слава ея доставила ей многихъ обожателей, между коими былъ и Г. Вильдьо, молодый, умный и вѣжливый Офицеръ.

Дѣвица Жардень оказала ему благосклонность съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы раздѣлить съ нимъ жребій свой. Вильдьо сердечно самъ желалъ этаго; однако непреоборимое препятствіе остановило исполненіе намѣренія его. За годъ предъ

тѣмъ онъ женатъ былъ на дочери одного писаря въ Парижѣ. Смущеніе болѣе увеличилось, когда надобно было открыться въ ономъ дѣвицѣ де Жарденъ и чрезъ то потерять надежду къ полученію руки ея. Наконецъ онъ объяснился — радость его была чрезмѣрна, когда онъ услышалъ отъ любимой имъ дѣвицы, что ему можно уничтожить бракъ свой, особливо потому, что онъ вступилъ въ оный по принужденію отъ своихъ родителей. Г. Вильдьо немедленно объявилъ, что онъ женится на дѣвицѣ Жарденъ. Къ несчастію его, первая жена его, узнавъ объ ономъ, стала препятствовать сему браку и подала прозьбу Королевѣ, которая лично знала ея мужа. Тогда дѣвица Жарденъ поѣхала въ Камбре къ Гу. Вильдьо, гдѣ онъ находился въ гарнизонѣ, и возвратясь оттуда съ нимъ въ Парижъ, стала называться Гжею. Вильдьо.

Всякій союзъ, заключенный вѣроломно съ нарушеніемъ справедливости, не можетъ быть счастливымъ.

0787567

Спокойствіе новобрачныхъ вскорѣ нарушено было взаимными несогласіями, кои продолжались до тѣхъ поръ, пока Г. Вильдьо отправился въ армію, и на первомъ сраженіи былъ убитъ.

Гжа. Вильдьо не долго печалилась о потерѣ постылаго ей человѣка; освободясь отъ Гименеевыхъ цѣпей, она посвятила себя Музамъ; тогда издала она въ свѣтъ многія сочиненія свои; но вдругъ наскучивъ свѣтомъ, вознамѣрилась итти въ монастырь, о чемъ и объявила Парижскому Архіепископу Гарлею. Сей, радуясь благочестивому ея намѣренію, доставилъ ей случай вступить въ монастырь, гдѣ она нѣсколько времени вела себя очень хорошо. Можетъ быть, она и навсегда бы тамъ осталась, еслибъ одна нескромная монахиня, узнавъ отъ брата своего о прежнихъ проказахъ дѣвицы Жарденъ, не разгласила объ нихъ въ монастырѣ. Всѣ монахини согласились изгнать Гжу. Вильдьо изъ общества своего. Тогда поселилась она у сестры своего супруга, Гжи. Сен-

Ромень, у коей въ домѣ сбиралось блистательнѣйшее общество.

Гжа. Вильдьіо въ свѣтскомъ шуму забыла счастливую тишину монастырской жизни. Чаще всѣхъ посѣщалъ Гжу Сен-Ромень шестидесятилѣтній старикъ Маркизъ де ла Шатъ. Онъ влюбился въ Гжу. Вильдьіо и старался получить ея руку, не смотря на то, что у него жива была супруга его, находившаяся въ отдаленнѣйшей провинціи. Однако вдова сія не устрашилась таковаго препятствія — выѣхала съ Маркизомъ изъ Парижа и тайкомъ обвѣнчалась съ нимъ. Вскорѣ она родила ему сына, коего восприемниками были Дофинъ и дѣвица Монпансье. Новорожденный жилъ не больше года; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и родитель его, Маркизъ де ла Шатъ.

Вдова его была неутѣшна — и желая истребить даже самое напоминаніе о всѣхъ своихъ горестяхъ, или токмо о непостоянствѣ, она стала по прежнему называться Гжею Вильдьіо.

07877567.

Проведя еще нѣсколько лѣтъ въ сочиненіи романовъ, исполненныхъ ума и нѣжности, она удалилась въ маленькой городъ Клинкаморъ. Тамъ она умерла въ 1683 году, на 43 году отъ рожденія своего. Причиною смерти ея было излишнее употребленіе горячихъ напитковъ.

Не входя въ разсмотрѣніе многочисленныхъ романовъ Гжи Вильдьо, мы здѣсь приведемъ одно мѣсто изъ лучшаго ея сочиненія: *Ссыльные* (les Exilés). Извѣстно, что Овидій сосланъ былъ Августомъ; — Гжа Вильдьо представляетъ нѣсколько заточенныхъ вмѣстѣ съ нимъ Римлянъ, разсказывающихъ другъ другу свои похожденія. Любопытнѣйшее изъ всѣхъ есть повѣствованіе Ленпулово.

„Августъ послалъ меня, говоритъ сей Римлянинъ, для усмиренія взбунтовавшихся Гетовъ; ихъ сопротивленіе раздражило меня — я прибѣгнулъ къ несродной мнѣ жестокости. Знатнѣйшихъ гражданъ изъ сего народа отправилъ на острова необитаемые

Ледовитаго моря. Потомъ, послѣ одного неудачнаго для насъ сраженія, въ коемъ жизнь моя неоднократно подвергалась опасности, выбравъ еще изъ знаменитѣйшихъ плѣнниковъ самыхъ статныхъ и крѣпкошѣлесныхъ, отослалъ къ начальнику надъ бойцами. Сіе было ужасною для Геповъ местію. По видимому, всѣ они были въ отчаяніи; нѣсколько дней спустя, часовые, стоявшіе вокругъ ставки моей, поймали юношу, вооруженнаго кинжаломъ, который старался прокрасться ко мнѣ. Увидя его, я чрезвычайно удивился; прекрасный и нѣжный видъ его не показывалъ ему болѣе 16 или 17 лѣтъ. Взоръ его обезоружилъ гнѣвъ мой — я съ кротостію спросилъ его: зачѣмъ онъ пришелъ въ непріятельской станъ и для чего хотѣлъ войти въ мою ставку. — Чтобы тебя убить! отвѣчалъ гордо юноша; ненависть моя къ тебѣ безмѣрна — и я жалѣю объ одномъ, что долженъ буду умереть, не исполнивъ своего намѣренія. Другъ мой, возразилъ я ему, что я

тебѣ сдѣлалъ? — Ты жестоко меня обидѣлъ, отвѣчалъ Гетъ. Я рожденъ отъ знаменитыхъ предковъ, заслужившихъ почтеніе отъ Римскаго народа; отъ самой колыбели своей я не зналъ родителей своихъ: весь родъ мой заключался въ одномъ братѣ, котораго ты злодѣйски отторгнулъ отъ сердца моего. Наружныя отличія и внутреннія доблести сего юноши, всѣмъ одареннаго природою, не могли смягчить жестокаго твоего сердца; ты включилъ его въ число гладіаторовъ, осужденныхъ работѣйствовать предъ изнѣженнымъ тираномъ Рима. И можетъ быть, братъ мой будетъ первою жертвою преступной Ливіи. Ахъ, тогда воскликнулъ юноша, коего ярость увеличивалась — возможно ли мнѣ еще глядѣть на тебя, видя такое безчеловѣчіе твое, съ тобою говорить — и не отмстить тебѣ за обиду, нанесенную роду Геренніевъ! — Съ сими словами отчаянный Гетъ бросился на меня. Множество копій устремились проживъ него — смерть предстояла

ему, но я самъ спасъ его отъ ярости воиновъ моихъ. — Подъ предлогомъ, что мнѣ нужно было развѣдать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, я приказалъ отвести его въ ближнюю славку."

„Чрезъ нѣсколько времени Лентулъ, побуждаемый какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ, освобождаетъ сего плѣнника и даруетъ ему прощеніе, а брату его свободу."

„Тогда восхищенный Гетъ, упавъ на колѣна, воскликнулъ: " О Лентулъ, ты величайшій изъ Римлянъ! Въ сей незабвенный день ты болѣе плѣнишь народовъ славою своею, нежели оружіемъ. Братъ мой употребитъ всѣ дни своей жизни на пользу твою; а я стану молить боговъ о возвышеніи славы твоей. Рука моя неспособна къ пораженію враговъ; отчаяніе вооружило ее убійственнымъ желѣзомъ. Но почто скрывать истину; познай — я дѣва; во мнѣ ты пощадилъ кровь знаменитаго Римлянина."

078756?

Дѣва сія называлась Геренніей; она была дочь того славнаго Геренція, который, во время тиранскаго правленія Суллы, послѣдовалъ за Серторіемъ въ Испанію. Вскорѣ въ сердцѣ юной дѣвы благодарность превратилась въ любовь къ благодѣтелю — и Ленгулъ возчувствовалъ къ ней любовь. —

В. Н. К.

ДѢВИЦА ДЕЗУЛЬЕРЪ.

Антуанета Терезія Дезульеръ была дочь знаменитой Гжи Дезульеръ, коей жизнь уже извѣстна читателямъ нашимъ. Она родилась въ Парижѣ 1668 года и воспитана, такъ сказать, въ нѣдрахъ самой Поезіи.

Великій Корнель, Шарпантье, Бенсерадъ и всѣ славные писатели, составлявшіе общество ея матери, были наставниками ея въ Словесности. Первые стихи ея увѣнчаны были счастливымъ успѣхомъ — сочинительница ихъ получила назначенную Парижскою Ака-

демією награду. Торжество дѣвицы Дезульеръ тѣмъ было славнѣе, что въ наградѣ имѣла она соперникомъ своимъ Фонтенеля.

Истинному дарованію похвала не можетъ быть вредна; она окриляетъ его и даетъ ему полетъ.

Дѣвица Дезульеръ, одушевлена будучи похвалами, совершенно предалась Поезіи; но родясь чувствительною и нѣжною, въ стихахъ своихъ живо писала природу. Перо ея было истолкователемъ ея сердца, но никогда не было невольникомъ разума.

Не бывъ прелестною, дѣвица Дезульеръ имѣла въ себѣ неизъяснимую пріятность, которая нравится болѣе самой красоты. Нравъ ея былъ прекрасенъ; она умѣла сохранять знаменитыхъ друзей своихъ. — Изъ нихъ находились и такіе, кои желали въ ней возбудить нѣжную страсть, и даже увѣряютъ, что Г. Казе былъ столь счастливъ, что она его предпочла всѣмъ прочимъ. Когда его убили на сраженіи въ 1692 году, тогда

0787567

лира дѣвицы Дезульеръ издавала только жалобные и плачевные звуки. Еще и другія несчастія присоединились къ первому: она лишилась искренняго друга своего; потомъ смерть похитила у нее отца, мать, брата и дядей. Принуждена будучи отказаться отъ наслѣдства своего, она принуждена была жить пенсіею, которую опредѣлилъ ей Людовикъ XIV.

Въ 1699 году она была принята въ Падуйскую Академію Рикорвата. Но съ сего самаго времени жизнь ея посвящена была горести и мученіямъ. Будучи одержима тоюжъ самою болѣзнію, отъ коей погибла мать ея, она умерла 8го Августа, 1718 года, на 55мъ году отъ рожденія своего. Она погребена возлѣ матери своей въ церкви Св. Роха.

Послѣ смерши Гна. Казе, Г. Ларивьеръ имѣлъ особенное попеченіе о дѣвицѣ Дезульеръ. — Вотъ что писала она ему въ отвѣтъ: „Дамонъ, не думай, чтобъ я была безчувственна къ твоимъ несчастіямъ; я совершен-

но знаю, сколь опасны, сколь страшны стрѣлы любви, и сердце мое втайнѣ о тебѣ скорбитъ. Если можно: то истреби ко мнѣ любовь свою; — страсть сія всегда пагубна; ея удовольствія опасны; ея дѣйствія нелки, непостоянны и порывисты; неѣрность служитъ ея проводникомъ. — Истреби навсегда ту страсть, которая часто располагаетъ нашею дружбою. — Въ цвѣтущее лѣто, когда игры и смѣхи окружаютъ насъ, когда удовольствія и радости занимаютъ наше сердце — тогда совѣтъ остается безъ дѣйствія, благоразуміе не смѣетъ приближиться къ любви, которая удовлетворяетъ своимъ желаніямъ; — но какъ скоро неумолимое время пробудитъ насъ изъ сковаго упоенія, тогда душа наша узритъ ту бездну, въ которую страсть насъ увлекала. Внимая разуму и согласуясь съ сердцемъ, голосъ мой даетъ тебѣ пріятное, справедливое и вѣрное наставленіе!“

0787567

Чтобы лучше узнать творческій умъ дѣвицы Дезульеръ, мы приведемъ здѣсь изліяніе чувствъ ея на смерть своей матери:

„Почто притекли вы сюда, Музы, подъ мрачную тѣнь кипарисовъ; что васъ привлекло сюда? Вы ужь болѣе не увидите той смертной, коей пѣсни трогали ваше сердце. Неумолимая и жестокая смерть исхитила ее изъ моихъ объятій; тщетно защищала я отъ люпости ея столь драгоцѣнный для меня предметъ — тщетно взывала къ Небесамъ о помощи. О! сколь сладостно, сколь приятно спасти жизнь матери, сколь восхитительно посвятить ей всю свою жизнь; но жестокій рокъ всегда меня обременяетъ. Слезы и вздохи еще болѣе сократили дни ея жизни. — Небо не прекращаетъ моихъ страданій; нѣтъ мнѣ утѣшенія. Оставлена будучи въ добычу терзающимъ меня горестямъ, тщетно призываю я на помощь сію великую и твердую душу,

которая съ равнодушіемъ, при отчаяніи моемъ, смотрѣла на смерть. — Увы! я предалась всей слабости душевной, не имѣя добродѣтели ея, и пр.“

Мы заключимъ жизнь дѣвицы Дезульеръ переводомъ прекрасной идилліи знаменитой ея матери, которая подъ видомъ пастушки, обращающей слово свое къ беззащитнымъ овечкамъ, говоритъ къ дѣтямъ своимъ, лишившимся своего отца; подъ именемъ Пана разумѣетъ она Людовика XIV:

Овечки добрыя мои,
Вы пастуха себѣ ищите
Въ лугахъ родимыя рѣки —
Вы тамъ пріютъ себѣ найдите!
Объ васъ лишь я однѣхъ пеклась,
Для счастья вашего дышала,
Для васъ себя позабывала —
Теперь я не увижу васъ!
Меня злощастну разлучаетъ
Неумолимый, грозный рокъ:
Васъ пастивы, пастуха лишаетъ;
Безъ пастуха вамъ страшенъ волкъ!
Досель краса луговъ зеленыхъ —
И жертва хищника — теперь!
О радость дней моихъ, блаженныхъ,
Грозишъ вамъ нынѣ люшый звѣрь!

Гдѣ посохъ, гдѣ мой стражъ надежной?
Какъ мнѣ одной васъ сохранишь,
Какъ долю вашу отмѣнишь?
Томлюсь тоскою безполезной,
Прошу напрасно отъ боговъ
Я вамъ защиты и покрова:
Мой стонъ разноситъ гулъ лѣсовъ:
Вамъ нѣтъ пріюта никакова!
Вотще жду помощи Небесъ —
Моихъ они не видятъ слезъ!
И посохъ мой и псa отъемлютъ —
И жалобамъ моимъ не внемлютъ!
Ушѣха дней моихъ, краса,
Невинны, милыя овечки!
Невѣрны вамъ луга и рѣчки,
Опасны горы и лѣса:
Все стало вамъ теперь врагами —
Вездѣ вы встрѣтитесь съ бѣдами! —
О Панъ, сиротъ спаси моихъ,
И будь защитникомъ для нихъ! —
За ними я всегда ходила,
Въ лугахъ сама пасла, кормила:
Свидѣтель въ томъ сей мрачный лѣсъ,
И долъ, и боръ, и сводъ небесъ! —
Когда ихъ добрый Панъ защититъ,
И бѣдныхъ отъ бѣды исхититъ;
Пока могу я жить, дышать,
Я Пана буду прославлять.
Моя веселая цѣвница —
Взойдетъ ли, скроется ль денница —
Ему всегда посвящена! —

Богъ Панъ — хвала моя одна!
Великій Панъ, твоею славой
Всѣ, всѣ исполнятся мѣста,
Оттоль, гдѣ яркій, величавой,
Природы жизнь и красота,
Восходитъ Фебъ благотворящій —
И радостно спѣшитъ въ свой путь,
Огнемъ питательнымъ поящій
Земли алкающую грудь,
До странъ далекихъ, гдѣ, конечно,
Уставши міръ сей освѣщать,
Онъ любитъ пламень, пламень вѣчной
Въ волнахъ Тетиды прохлаждать.

И. С.

ГЖА. ДАСЬЕ.

Анна Лефеврѣ Дасье родилась въ Самюрѣ, 1651 года; она была дочь знаменитаго Танеги Лефевра, Профессора Словесности при Академіи Самюрской, и Маріи Оливье; воспиталась она въ Протестантскомъ исповѣданіи. Странное происшествіе побудило родителя ея усовершенствовать въ ней тѣ природныя способно-

078756?

ши, кои сдѣлали ее въ послѣдствіи славнѣйшею женою своего вѣка. Лефевръ, не постигая сокровенныхъ даровъ, какими природа надѣлила его дочь, прилагалъ все свое стараніе о воспитаніи и образованіи единственнаго сына своего. Однажды слушалъ онъ заданные имъ уроки въ присутствіи одиннадцатилѣтней дочери своей: ученикъ нѣсколько позамялся; дѣвица Лефевръ видя, что братъ ея смѣшался, не покидая женской работы своей, шепнула ему на ухо, что должно было отвѣчать. Отецъ, съ удивленіемъ и радостію открывая дарованія въ своей дочери, началъ стараться объ ея образованіи — и труды его были вознаграждены.

Не взирая на трудность наукъ, въ коихъ упражнялась дѣвица Лефевръ, она оказывала въ нихъ чрезвычайные успѣхи. Въ короткое время она выучилась по Латинѣ, и читала Федра и Теренція; потомъ начала учиться по Гречески. Анакреонъ, Каллимахъ, Гомеръ и Греческіе траги-

ки столь много ее плѣнили, что она и день и ночь упражнялась въ чтеніи и разумѣніи оныхъ. Вскорѣ почувствовала она всѣ красоты сихъ писателей знаменитыхъ — и наконецъ, защищая Гомера, показала глубокое познаніе твореній сего величайшаго пѣснопѣвца.

Въ часы своего отдохновенія выучилась она Италіянскому языку, какъ пріятнѣйшему изъ новѣйшихъ языковъ; — разность между Виргиліемъ и Тассомъ не избѣгла отъ ея прозорливости.

Изо всѣхъ учениковъ Г. Лефевра, молодый Дасье, уроженецъ изъ Кастры, что въ верхнемъ Лангедокѣ, умѣлъ наиболѣе приобрѣсти его благосклонность. Дочь раздѣляла чувствія своего родителя: сходство исповѣданій и другія обстоятельства укрѣпили между ею и молодымъ человѣкомъ сердечную привязанность, и наконецъ ихъ желанія, основанныя на взаимномъ почтеніи и нѣжности, увѣнчались бракомъ.

0787567

Палатинъ, узнавъ по слуху о Лефеврѣ, призывалъ его на самыхъ выгодныхъ условіяхъ въ Гейдельбергскій Университетъ; но, предъ самымъ отъѣздомъ, онъ занемогъ и чрезъ одиннадцать дней умеръ. Тогда Гжа. Дасье уѣхала въ Парижъ, гдѣ слава начала уже сплетать предназначенный ей вѣнецъ безсмертія. Прежде всего перевела она Каллимаха; окончивъ первыя тетради своего перевода, она представила оныя Гну. Гюету, Епископу Авранжскому, бывшему учителемъ Дофина. Герцогъ Монтозье, его же надзиратель, побуждалъ ее заняться переводомъ нѣкоторыхъ Латинскихъ Писателей. Боясь, чтобы такое предпріятіе не было выше ея силъ, Дасье долго отказывалась отъ сего; но Монтозье не переставалъ ее просить, и однажды ему удалось побѣдить ея скромность и упрямство обѣщаніемъ великихъ выгодъ за переводъ. Первые плоды трудовъ сей ученой женщины были Историки Флоръ и Евтропій. Вскорѣ имя ея сдѣлалось извѣстнымъ

ВП-08

не токмо во Франціи, но и во всей Европѣ. Хрістина, Шведская Королева, вступила съ нею въ переписку — и въ непродолжительномъ времени дружба такъ тѣсно соединила сихъ двухъ знаменитыхъ женщинъ, что Хрістина даже предлагала Гжѣ. Дасье принять Католицкое исповѣданіе и пріѣхать ко Двору ея.

Однако лестныя предложенія сіи не могли склонить Гжу. Дасье разстаться съ своимъ отечествомъ. Многіе переводы ея съ Латинскаго вышли въ свѣтъ. Въ свободное время отъ трудныхъ своихъ занятій перевела она весьма удачно Анакреона. Даже и самъ Буало въ похвалу ей говоритъ, что никто другой да не дерзаетъ прелагать стихами сего прелестнаго Греческаго піита. За симъ вышли ея переводы трехъ комедій Плавта. Наконецъ въ 1684 году принята она была членомъ въ Падуйскую Академію.

Спустя нѣсколько времени, отправилась она съ своимъ супругомъ

1877567.

въ Кастръ, гдѣ, по долгомъ размышленіи, наконецъ отреклись они отъ Протестантства. Боссюетъ и Монтозье въ Парижѣ представили счастливую чету сію Королю. Благосклонность Монарха умножила еще къ Дасье всеобщее почтеніе. Изданный Порт-Роялскимъ обществомъ переводъ Теренція показался Гжѣ. Дасье недостаточнымъ — и для сего вознамѣрилась она представить сего комическаго стихотворца въ лучшемъ видѣ. Друзья убѣждали ее не входить въ соперничество съ тѣми, кои прежде ея надъ симъ прудились; Дасье не послушалась ихъ — и надъ всѣми восторжествовала. Сперва перевела она четыре комедіи; но перечитавъ ихъ и будучи недовольна своимъ переводомъ, бросила рукопись въ огонь. Въ другой разъ блистательный успѣхъ увѣнчалъ ея труды. Переводъ Порт-Роялскаго общества преданъ былъ забвенію.

Чтобы совершенно заняться науками, надобно непремѣнно уклониться отъ шума городскаго къ сладостной ти-

ВП-08

шинѣ уединенія. Г. Гарлей, первый Президентъ Парижскаго Парламента, доставилъ Гну и Гжѣ Дасье сіе пріятное удовольствіе, отдавъ имъ загородный домъ свой. Всякую недѣлю два раза сей мужъ, извѣстный по своей честности и справедливости, пріѣзжалъ раздѣлять съ ними время; тамъ-то къ дружеской бесѣдѣ читали они отрывки переводовъ Гжи. Дасье изъ размышленій Марка Антонина, съ ея замѣчаніями. Книга сія, къ коей присовокуплена и жизнь сего Императора, окончана была, такъ сказать, предъ глазами почтеннаго Президента; а въ 1701 году выдана въ свѣтъ подъ его покровительствомъ.

Счастіе, сопровождавшее Гжу. Дасье на блистательномъ поприщѣ учености, лишило ее того, что ей было дороже всего. Она потеряла десятилѣтняго сына, ею самою воспитываннаго, который подавалъ о себѣ весьма лестную надежду.

Изъ двухъ ея дочерей одна приняла черное покрывало въ Лонг-Шам-

78775G7

ѣкомъ Аббатствѣ, а другая подверглась одинаковой участи съ братомъ, скончавъ жизнь свою на 18 году отъ рожденія. Въ предисловіи къ Иліадѣ Гжа. Дасье соорудила въ честь своей дочери памятникъ, коего время, по видимому, не властно разрушить. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ нѣжная сія мать изливаетъ скорбь свою:

„Уже намѣревалась я приступить къ преложенію Одиссеи, какъ внезапу поражена будучи роковымъ ударомъ, лишилась всѣхъ способностей ума; скорбь объяла душу мою. Да не воспрепятъ огорченной матери, хотя нѣсколько, предаться печали своей. Знаю, что я не имѣю еще права на снисхожденіе, оказанное нѣкоторымъ древнихъ и новыхъ временъ великимъ мужамъ, кои, находясь въ подобномъ со мною положеніи, жаловались на свое злополучіе; со всѣмъ тѣмъ я увѣрена, что благосклонные читатели не откажутъ мнѣ въ томъ, по единому человѣколюбію, коимъ жертвовали тѣмъ мужамъ за пре-

ВО-08

восходныя ихъ дарованія. Никто болѣе меня не имѣлъ причины жаловаться. У насъ оставалась единственная дочь; въ ней обрѣшали мы всю свою утѣху; въ ней должны свершиться надежда наша и мечты; украшена будучи всѣми добродѣтелями и одарена умомъ быстрымъ и изящнымъ, она услаждала собою всѣ часы жизни нашей; но смерть ее похитила у насъ. Богу не угодно было, чтобъ мы обладали симъ безцѣннымъ сокровищемъ до конца жизни нашей. Въ дочери своей лишилась я истиннаго друга; съ самаго младенчества ея никогда не разлучалась я съ нею. Чтеніе, разговоры, забавы — всё дѣлили мы съ нею! Часто даже разрѣшала она сомнѣнія мои, озаряя недоумѣніе мое свѣтомъ естественнаго здраваго разума. Теперь все сіе, какъ сонъ, исчезло, и сладостное соединеніе душъ нашихъ замѣнено скорбію и унынiемъ. Горесть омрачаетъ всѣ дни жизни нашей; и самыя бесѣды съ Музами, вмѣсто утѣшенія, множатъ тоску и грусть на-

0787567.

му плачевными воспоминаніями Вос[illegible] почему не возможно мнѣ приступить къ пріятнѣйшимъ для меня упражненіямъ! Но я уповаю на милосердіе Творца — отъ Него единаго ожидаю себѣ подкрѣпленія."

Гжа Дасье вмѣстѣ съ супругомъ своимъ начала переводить Плутарха; окончивъ два житія, предоставила честь одному Гну Дасье трудиться въ семъ полезномъ дѣлѣ.

Отъ сего также отвлекъ ее Гомеръ. Плѣнясь красотами величайшаго изъ піитовъ, она употребила всѣ свои силы, дабы преложить сіи красоты съ Греческаго на отечественный языкъ; но сколь много трудностей и препятствій встрѣчалось ей въ семъ благородномъ предпріятіи! Будучи всегда недовольна сама собою, она передѣлывала нѣкоторыя пѣсни отъ пяти до шести разъ, дабы приближиться къ подлиннику; для сего писала она слѣдующія слова на поляхъ страницъ: *Еще не достигла.* Наконецъ постоянствомъ и неутомимостію своею она побѣ-

ВП-08

дила трудности — Иліада вышла въ свѣтъ 1711 года.

Въ то же самое время Г. Ламоттъ выдалъ свой переводъ Иліады въ стихахъ; но, по излишней строгости или надменности, въ предисловіи своемъ, порицалъ онъ Греческаго піита. Онъ также охуждалъ и прозаическій переводъ Гжи Дасье: сія, чувствуя себя обиженною, защищала Гомера и себя въ изданномъ ею сочиненіи: *О причинахъ повержденія вкуса* (Traité des causes de la corruption du gout), которое получило великой успѣхъ. При всемъ томъ надобно признаться, что въ немъ не соблюдено умѣренности. Гжа Дасье, показавъ обширныя свѣдѣнія, не украсила ихъ скромностію; чрезъ то и навлекла на себя негодованіе, изъявленное Гмъ. Ламоттомъ въ его отвѣтѣ.

Сія распря ученая сильнѣе воспламенилась бы, еслибъ Г. Валинкуръ не примирилъ соперниковъ за прекраснымъ ужиномъ. Г. Ламоттъ учтивостью своею обезоружилъ Гжу Дасье — и при-

0787567

мирение ихъ скрыло странное позорище отъ свѣта, который на ссоры писателей взираетъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

За Иліадою послѣдовала Одиссея, въ которой главное лице представляетъ Улиссъ. По разореніи Трои, онъ предпринимаетъ странствіе по разнымъ землямъ, для познанія законовъ, обычаевъ и нравовъ.

Гжа. Дасье отъ громкихъ пѣсней Гомера перешла къ нѣжнымъ пѣснопѣніямъ Анакреона. Прелестные стихи Греческаго піита въ прозѣ Французской переводчицы не потеряли ни силы, ни красоты.

Гжа. Дасье издала также свои переводы Сафы, Аристофана, Плавта, Теренція и Каллимаха; она намѣревалась было приняться за Виргилія; однако немощи позднихъ ея лѣтъ въ томъ ей воспрепятствовали.

Природа соединила въ Гжѣ. Дасье всѣ качества, украшающія разумъ и сердце. Мужество, твер дость и добродушіе отличали ее к

ѣда. Особеннымъ свойствомъ ея было дѣятельное сострадание къ бѣднымъ.

Такія превосходныя свѣдѣнія, таланты и добродѣтели могли бы возгордить другую женщину; но Гжа. Дасье своею скромностію всѣхъ плѣняла. Находясь въ обществѣ, не желала она отличать себя отъ другихъ; даже равняла себя съ прочими, не опасаясь казаться обыкновенною женщиною.

Для подтвержденія сего, мы разскажемъ слѣдующій анекдотъ:

Многіе путешественники имѣютъ обыкновеніе посѣщать всѣхъ знаменитыхъ писателей, а для вѣрнѣйшаго свидѣтельства, просятъ каждаго изъ нихъ вписать свое имя съ какимъ-либо изреченіемъ въ книгу, которую они нарочно для того съ собою возятъ. Одинъ Нѣмецкій путешественникъ, представясь къ Гжѣ Дасье, подалъ ей книгу, въ коей уже находились имена ученѣйшихъ въ Европѣ мужей. Дасье отрекалась помѣстить свое имя между столь великимии име
не прес
и знам
просьба
дующи
„Скром
лола.“
Ти
ученую
сіе он
„Женщ
ваться
ея возс
ву, д
коимъ
споры
Та
рые по
ніе съ
„Женщ
ніе, р
ся испо
ное и
ла, сох
Гж
прище

ми именами. Иностранецъ настаивалъ, не переставая упрашивать ее; наконецъ и знаменитая жена сія, утомленная его просьбами, вписала свое имя, съ слѣдующимъ изреченіемъ изъ Софокла: *„Скромность есть украшеніе женскаго пола.“*

Тщетно старались вовлечь сію ученую въ церковные споры. На сіе она слѣдующее подала мнѣніе: „Женщинѣ вовсе неприлично вмѣшиваться въ толь важныя дѣла: долгъ ея возсылать усердныя мольбы къ Богу, да озаритъ Онъ умы тѣхъ, коимъ подобаетъ рѣшить духовные споры.“

Также въ отвѣтъ тѣмъ, которые побуждали ее перевести Св. Писаніе съ примѣчаніями, отвѣчала она: „Женщина должна читать Св. Писаніе, разсуждать объ немъ, стараться исполнять все въ немъ предписанное и, по заповѣди Апостола Павла, сохранять глубокое молчаніе.“

Гжа. Дасье блистательнѣйшее поприще жизни своей скончала въ же-

ВП-08

стокой болѣзни 17 Августа, 1720 года. Предъ смертію своей упросила она, чтобы, по общему обычаю, не наблюдать въ церкви траура.

Она страшилась, чтобы и послѣ смерти сего не вмѣнили ей въ тщеславіе, говоря, что тотъ день, въ который душа Христіанская паритъ въ горняя для стяжанія неувядаемаго вѣнца изъ рукъ Творца своего, долженъ почитаться днемъ торжественнымъ, и святая Церковь не должна облекаться въ печальное одѣяніе.

Гжа. Дасье должна прейти въ потомство на ряду съ ученѣйшими женами Франціи.

078756?

ГЖА ТАНСЕНЬ.

Клавдія Александра Горенъ Тансень родилась въ Гренобле 1681 года. Отецъ ея Антоній Горенъ былъ Президентомъ въ Парламенте того города, а мать ея, называвшаяся Луиза Бефеванъ Гжа Тансень, была сестра Кардинала Тансеня. Одарена будучи отъ природы добрымъ сердцемъ, веселымъ нравомъ, она сострадала о несчастіи другихъ, собственныяжъ свои бѣдствія сносила великодушно. Сколько была она терпѣлива въ несчастіяхъ своихъ, столько великодушна въ злополучіи; всегда съ умѣренностію предавалась радости, храня въ безмолвіи горесть свою. Соблюдая постоянство въ дружествѣ, она всѣмъ жертвовала вѣрнымъ друзьямъ своимъ, а невѣрныхъ, при малѣйшемъ раскаяніи ихъ, прощала.

Гжа Тансень провела пять лѣтъ въ Дофинейскомъ монастырѣ Мон-Флери; но скучивъ единообразіемъ монастырской жизни, оставила уединеніе

и вступила въ шумный свѣтъ, гдѣ предалась разсѣянію онаго. Однако, по несчастію, замѣшавшись въ одно законопротивное дѣло, посажена была въ Бастилію, откуда чрезъ нѣсколько времени будучи освобождена, перемѣнила родъ жизни своей, уклонясь въ тишину уединенія. Домъ ея сдѣлался убѣжищемъ ученыхъ писателей, кои руководствовались ея совѣтами и находили удовольствіе въ ея бесѣдѣ.

Не слѣдуя прихотямъ честолюбія и будучи счастлива друзьями своими, Гжа Тансень жила въ Парижѣ тихо и спокойно, въ маленькомъ домикѣ. Тишина его ничѣмъ не нарушалась — и въ сіе-то время сочинила она прекрасные романы: *Графъ Коменжъ*, *Осада Кале* и *Несчастіе отъ любви*.

Первый содержитъ въ себѣ повѣствованіе о двухъ несчастныхъ любовникахъ, разлученныхъ фамильною враждой, и наконецъ, послѣ многихъ злоключеній, встрѣтившихся другъ съ другомъ въ Аббашствѣ де ла Граншъ. Романъ сей подалъ мысль къ двумъ сочи-

ніямъ, имѣвшимъ великій успѣхъ. Первое есть: Дорашово посланіе въ стихахъ, а второе — драма Г. Арно, игранная почти на всѣхъ театрахъ. Г. Дорашъ изобразилъ ту страшную минуту, когда Графъ Коменжъ узнаетъ Аделаиду Лунанъ и видитъ ее умирающею на рукахъ своихъ.

Вторый романъ Гжи Тансенъ называется *осада города Кале*. Историческое сіе происшествіе украшено всѣми прелестями блестящаго воображенія. Вотъ содержаніе онаго: „Едуардъ, Король Англинскій, ожесточенный сопротивленіемъ Калескихъ жителей, мужественно выдерживавшихъ осаду цѣлый годъ, для устрашенія всѣхъ прочихъ городовъ, кои захотѣли бы послѣдовать примѣру ихъ, согласился принять капитуляцію отъ Губернатора Віена, понуждаемаго къ сдачѣ совершеннымъ недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, только съ такимъ условіемъ, чтобы прежде привели къ нему шесть Калескихъ гражданъ съ веревками на шеѣ, дабы предать ихъ смерти.

Г. Віенъ прежде сего выдалъ дочь свою за Г. Грансона (*), бывшаго въ тѣсной связи съ Графомъ Конаплемъ. Сей узнавъ, что Г. Віенъ вознамѣрился итти къ Едуарду на смерть, и услышавъ отъ Гжи Грансонъ, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, что она не переживетъ смерти своего родителя, спѣшитъ къ гражданину Евстафію Сен - Піеръ, умоляя его назвать своимъ сыномъ, съ коимъ имѣлъ онъ нѣкоторое сходство.

Достойный гражданинъ, у коего жаръ любви къ отечеству еще не охладился старостію, приемлетъ его съ радостію за сына; но чтобы удостоишься быть его отцемъ, рѣшается самъ вмѣстѣ съ нимъ итти на казнь.

Между тѣмъ Г. Віенъ, собравъ гражданъ, объявляетъ имъ волю Едуарда. При семъ ужасномъ объявленіи градъ исполнился стона и вопля.

(*) Онъ былъ убитъ во время осады города.

100787567.

Хотя смерть угрожала всѣмъ вообще; однако никто не дерзалъ умереть за всѣхъ. Вотще Евстафій старается одушевить къ претерпѣнію казни: всѣ съ удивленіемъ внемлютъ его увѣщаніямъ — а никто не осмѣливается подражать ему. Наконецъ Небо, для прославленія рода сего великодушнаго мужа, вселяетъ неустрашимость въ сердце его родственниковъ: Гаконъ Визанъ и Петръ, его братья, соглашаются идти въ Едуардовъ станъ.

Къ дополненію назначеннаго числа недоставало еще одного, какъ вдругъ Г. Шалонъ, иногородный житель, переодѣвшись въ платье Калескаго жителя, представилъ себя на жертву. — Они отправляются въ путь.

Между тѣмъ Гжа Грансонъ узнаетъ, что Графъ Конапль обрекъ себя на смерть и погибаетъ за нее: немедленно одѣвается она въ мужское платье, идетъ въ ставку Едуарда, упадаетъ къ ногамъ его, проситъ умертвить ее, говоря, что славу столь знаменитаго подвига похищаетъ у нее

чужестранецъ. Неумолимый Едуардъ ничему не внемлетъ. Невинные страдальцы приходятъ на мѣсто казни.

Тогда Гжа Грансонъ опять повергается къ ногамъ Едуарда, открываетъ ему все — и Едуардъ начинаетъ смягчаться. Королева, супруга его, еще прежде умолявшая о пощадѣ несчастныхъ, возобновляетъ усильныя прозьбы свои: ея увѣщанія и прозьбы подвигли къ милосердію жестокосердаго Едуарда — плѣнники прощены."

Описаніе сего приключенія послужило основаніемъ прекрасной трагедіи Г. Белоа: *Осада Кале* (le siège de Calais), которая восхищала всѣхъ зрителей.

Послѣдній романъ Гжи Тансень есть: *несчастіе отъ любви*, также какъ и всѣ ея творенія, отличаются красотою слога, прелестію вымысловъ и нѣжностію.

Вотъ нѣкоторыя мысли ея:

„Ужаснѣе самой смерти быть ненавидиму тѣми, кого мы любимъ. Несчастные всегда обращаютъ свои мы-

сли на то, что умножаетъ горесть ихъ."

„Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть въ раздорѣ съ самимъ собою."

„Богачи думаютъ, что талантъ покупаются какъ сукна."

„Когда мы угнетены бѣдствіемъ, тогда все окружающее насъ владычествуетъ надъ нами."

Нѣкоторые увѣряютъ, что Г. Депонъ, племянникъ Гжи Тансень, участвовалъ въ ея сочиненіяхъ; но ежели она написала хотя половину оныхъ: то имя ея будетъ безсмертнымъ.

Вотъ портретъ Гжи. Тансень, писанный Сюаромъ:

„Ничего не скажу объ лицѣ ея; она была стара, когда я познакомился съ нею: ея физіогномія не имѣла ничего слишкомъ остроумнаго; въ ней не оставалось ни слѣда красоты. Объ ней даже не льзя было сказать и того,

что сказалъ однажды Фонтенелль, увидѣвъ женщину, которая нѣкогда славилась красотою своей и интригами: *очень примѣтны въ ней слѣды любви.*

Она не столько была умна, сколько характерна: умъ ея всегда походилъ на разсудокъ, и былъ ко всему способенъ. Никто никогда не соединялъ столько проницательности во взорѣ съ большею простотою въ обхожденіи, ни болѣе искусства въ поведеніи съ непринужденнѣйшимъ обращеніемъ.

Она рѣшилась идти въ монастырь, по одной изъ сихъ ошибокъ, столь обыкновенныхъ въ нѣкоторую епоху молодости, когда темное развитіе новаго и неизвѣстнаго чувства обращается въ любовь къ уединенію и странности, что Аббатъ Сен-Піеръ называлъ *ослою ума*; ибо онъ думалъ, что надобно имѣть ее только одинъ разъ въ жизни. *Я также имѣлъ ету ослу* — говоритъ онъ — *но не остался рябымъ.*

Гжа. Тансень вскорѣ почувствовала свою ошибку; пылкость и независимость ея характера не дозволяли ей быть слишкомъ разборчивою въ средствахъ возвращенія свободы. Она зажгла свою темницу, вышла изъ нее и тѣмъ уничтожила свои обѣты.

Ея истинное назначеніе было — господствовать, и природа, съ потребностію онаго, дала ей къ тому всѣ средства. За восемь-десять лѣтъ она играла бы важную роль. Все, что приближалось къ ней, входило непремѣнно въ планъ ея интриги. Она извлекала пользу изъ глупца, равно какъ изъ человѣка умнаго — и тотъ и другой неумышленно служили ей иногда орудіями ея намѣреній.

Она болѣе имѣла твердости въ дружбѣ, нежели въ любви, и болѣе нравилась друзьямъ своимъ, нежели занимала ихъ. Разговоры ея были пріятны, но не блистательны; она ничего не выискивала, и ничто не укрывалось отъ нее, обладая искусствомъ

тотчасъ находитъ и трогаетъ непринужденно въ каждомъ человѣкѣ слабую сторону самолюбія. Говоря съ вами объ васъ самихъ, она обращала ваше вниманіе на себя; занимаясь вашею пользою, она привязывала васъ къ своей собственной.

Честолюбіе у ней было чрезвычайное, умъ превосходный, успѣхи посредственные: обстоятельства противились ея счастію, и орудіе намѣреній ея не могло соотвѣтствовать рукѣ, имъ управлявшей. Изящнымъ произведеніемъ генія Гжи. Тансень было то, что она заставила на нѣкоторое время думать всю Европу, что братъ ея Кардиналъ человѣкъ умной и государственной; еслижъ что онъ самъ думалъ то же — это не такъ мудрено!"

Г Ж А Г Р А Ф И Н Ь И.

Г-жа Графиньи родилась въ Лорансѣ 1694 года. Она была единственная дочь Франциска Иссенбурга, владѣльца Аппонкурскаго и Маргариты Соро. Природа одарила ее здравымъ умомъ, чувствительнымъ сердцемъ и благородною къ добру склонностію. Приятное и чистосердечное обхожденіе снискало ей друзей прежде, нежели думала она имѣть читателей. Природная склонность къ задумчивости и причиненныя ей мужемъ ея Г. Графиньи огорченія лишили ее той веселости, которая господствуетъ въ шумныхъ обществахъ. Скромность и похвальный обычай никогда и ничего не говорить о себѣ были причиною того, что многія обстоятельства ея жизни остались скрытыми отъ свѣта: извѣстно только то, что она была весьма нещастна. Въ собственномъ злополучіи своемъ почерпнула она утѣшительную и высокую Философію, которая украшаетъ всѣ ея творенія.

Австрійскій Императоръ и супруга его, Королева Венгерская и Богемская, удостоивали ее своей благосклонности и часто жаловали подарками; также она вела переписку съ Лоранскимъ Принцемъ Карломъ и Принцессою Шарлоттою.

Гжа Графиня принимала къ сердцу всякую критику: она сама признавалась, что малѣйшая епиграмма причиняла ей величайшее неудовольствіе. Похвально ль, или предосудительно таковое самолюбіе? сей вопросъ еще не рѣшенъ; однако навѣрное можно положить, что ежели чувство сіе въ авторахъ не дойдетъ до такой степени, и не сдѣлаетъ ихъ слишкомъ самонадѣянными: то оно воспламеняетъ, возвышаетъ и приводитъ душу въ такое изступленіе, въ коемъ часто производятъ они все изящное.

Первое сочиненіе Гжи Графини было: *Новая Испанія*, или; дурной примѣръ иногда производитъ столько же добродѣтелей,

сколько пороковъ. Оно вышло въ свѣтъ подъ чужимъ именемъ. Историческій романъ сей, писанный легкимъ и пріятнымъ слогомъ, слишкомъ много наполненъ правоученіями. Герой сего романа Алфонсъ, младый Король Кастильскій, наслѣдникъ Алфонса жестокаго. Государь сей, вступивъ на престолъ, желалъ ощастливить подданныхъ своихъ и изгладить изъ памяти ихъ жестокость прежняго правленія. Но часто одно только желаніе Государей весьма недостаточно; тотъ путь, который имъ должно протекать, наполненъ изрытыми лестью безднами. Въ семъ сочиненіи своемъ Гжа Графиньи болѣе всего хотѣла доказать свѣту сію истину.

Со всѣмъ тѣмъ сочиненіе сіе не понравилось. и дало поводъ къ насмѣшкамъ надъ сочинительницею онаго. Чтобы загладить сію небольшую неудачу, Гжа Графиньи написала *Перувіанскія лисьма*, кои приобрѣли ей всеобщую похвалу. И теперь еще пре-

красное сіе твореніе восхищаетъ всѣхъ читателей; оно поставило сочинительницу на ряду съ знаменитѣйшими писателями. Книга сія начинается историческимъ введеніемъ, объясняющимъ нравы, обычаи и вѣру Перувіанцевъ. Народы сіи, обожавшіе солнце, признавали и другое высочайшее существо.

Будучи искренны, человѣколюбивы, вѣрны къ своимъ Государямъ и строги въ исполненіи законовъ своихъ, они сдѣлались жертвами корыстолюбія Испанцевъ. Одно повѣствованіе о жестокостяхъ Европейцевъ приводитъ въ ужасъ. Не имѣя понятія объ огнестрѣльномъ оружіи и о конницѣ, Перувіанцы почли Испанцевъ за боговъ, владѣвшихъ молніеносными перунами; но сіи немилосердые къ нимъ боги не прежде укротили люпость свою, какъ проливъ рѣки крови ихъ и завладѣвъ прелестнѣйшею частью свѣта.

Въ семъ романѣ, состоящемъ въ письмахъ, юная Перувіанка, повѣствуя о любви, между прочимъ весьма иску-

сно порицаетъ обычаи, свойства и нравы Французовъ. Употребленный ею способъ для переписки весьма любопытенъ: буквы замѣняла она квипосами, т. е. собраніемъ многихъ разноцвѣтныхъ шнурковъ, на коихъ вязались узелки; соединеніе такихъ разноцвѣтныхъ узелковъ замѣняло у ней письмо.

Оставляя подробное разсмотрѣніе сего романа, какъ несоотвѣтственное краткости нашего сочиненія — скажемъ только то, что въ немъ заключается все могущее быть пріятнымъ, нѣжнымъ, сладостнымъ и разительнымъ.

Во первыхъ представимъ слѣдующее описаніе Парижа:

„Парижъ есть городъ, въ коемъ есть мосты, рѣки, поля и рощи. Его скорѣе можно почесть жилищемъ цѣлаго міра, нежели мѣстопребываніемъ нѣкотораго числа людей. Въ монастырѣ живутъ дѣвицы. Посвящая себя служенію Божества ихъ страны, онѣ отказываются отъ всѣхъ пріятностей

и благъ мірскихъ; онѣ отвергаютъ всѣ занятія для ума, всѣ чувства сердечныя — и даже, какъ я думаю, самый разсудокъ: — какъ можно заключить, судя по словамъ ихъ, всѣ Французы склонны, по коренному свойству ихъ, къ пересудамъ; они непостоянны; въ книгахъ своихъ порицаютъ нравы вообще, а въ разговорахъ каждаго порознь. Главное тщеславіе у Французовъ состоитъ въ томъ, чтобы казаться богатыми. Отличныя дарованія, художества, а можетъ быть, и самыя науки, все относится у нихъ къ роскоши, все споспѣшествуетъ гибельной расточительности. Но довольствуются ли они несчетнымъ множествомъ изобрѣтенныхъ ими вещей? Нѣтъ — они мнѣ сами сказывали, что пренебрегая всѣ полезныя и прекрасныя произведенія своего отечества, съ великими издержками достаютъ изъ различныхъ странъ свѣта ломкіе и непрочные домашніе уборы, блестящіе наряды и

даже кушанья и напитки, коими обременяютъ свои столы и желудки. . .“

Вотъ что еще Перуіанка говоритъ о Французскихъ женщинахъ:

„Онѣ стыдятся чувствительности; потому что имъ извѣстно одно чувство любви. Подъ словомъ добродушіе разумѣютъ онѣ одно природное побужденіе къ состраданію при видѣ страждущаго существа — даже я замѣтила, что онѣ болѣе жалѣютъ о бѣлкѣ и собачкѣ, нежели о человѣкѣ; имъ неизвѣстно добродушіе, коему свойственны нѣжность и человѣколюбіе — то добродушіе, которое дѣлаетъ насъ снисходительными къ слабостямъ ближняго, добродѣтельными съ разсужденіемъ и осторожностію. Онѣ думаютъ, что ими соблюдены уже всѣ правила скромности, когда онѣ только нѣкоторымъ знакомымъ своимъ разскажутъ на ухо пустыя тайны, кѣмъ нибудь ввѣренныя, или подслушанныя; онѣ понятія не имѣютъ о той скромной осторожности, о той необходи-

мой нѣжности, съ коими человѣкъ никому не можетъ быть въ тягость, никого не обижаетъ и не нарушаетъ общественнаго спокойствія.

„Когда стану имъ объяснять, что я разумѣю подъ словомъ умѣренность, безъ коей и самыя добродѣтели сходствуютъ съ пороками, если говорю имъ о смиреніи, о кротости, о чистотѣ нравовъ, о состраданіи къ бѣднымъ соотечественникамъ — во Франціи почти вовсе неизвѣстномъ — и о томъ благородствѣ души, которое презираетъ облеченный знатностью и богатствомъ порокъ: тогда, судя по смущенію ихъ, замѣчаю, что онѣ слушаютъ меня болѣе только изъ учтивости, а смысла словъ моихъ совсѣмъ не понимаютъ, какъ бы я говорила съ ними по Перуански.

„Точно также не вѣдаютъ онѣ свѣта, людей и общества. Онѣ не знаютъ даже и собственнаго своего языка; рѣдкая изъ нихъ говоритъ правильно на отечественномъ языкѣ своемъ — и я, къ великому удивленію,

замѣчаю, что въ коротkое время стала ученѣе ихъ."

Разсуждая о *модѣ*, Перувіанка говоритъ слѣдующее: „Въ большомъ свѣтѣ мода и роскошь вовсе помрачили здравый смыслъ. Учтивость замѣнила благонравіе, расточительность изгнала умѣренность, мнимая острота заглушила здравый разсудокъ. У всѣхъ въ головахъ одно — блистать и быть богатыми. Ненависть ко всему отечественному безпредѣльна; не смѣй заикнуться о добродѣтеляхъ, нравахъ и обычаяхъ праотеческихъ. Мы въ концѣ разоряемся, покупая чужеземныя бездѣлки — мы во всемъ стали не похожи на самихъ себя: даже не своѣдимъ и пьемъ. Хочешь ли жить въ послѣднемъ вкусѣ? Мѣняй на бездѣлки нажитое потомъ и кровью имѣніе своихъ предковъ; проживай что въ одинъ день, чего они не проживали во всю свою жизнь; съ перемѣною покроя платья, перестроивай домъ и перемѣняй домашніе уборы. Еще разъ повторю, не понимай людямъ моднаго

свѣта о предкахъ ихъ; они однажды навсегда рѣшительно сказали, что человѣку большаго свѣта *умъ данъ для злословія*, *вкусъ для щегольства*, *а сердце для волокитства* — и потомъ также сдѣлали слѣдующій приговоръ: „предки наши дураки и невѣжды; мы одни умѣемъ жить!“ —

Можно ли употребить болѣе пріятности, остроумія и познанія свѣта? — Женщины, столь вѣрно изображенныя Гжею Графиньи, не сходствуютъ съ нынѣшними женщинами. Ахъ! еслибъ время могло произвесть перемѣну, представивъ женщинъ во всемъ блескѣ славы, приличной ихъ полу, вѣрными исполнительницами обязанностей и должностей! . . . Гжа Графиньи написала двѣ *комедіи*, изъ коихъ одна была представлена подъ названіемъ *Сени*, а другая подъ названіемъ: *дочери Аристидовой*. Вторая не имѣла успѣха; но первая, будучи принята съ рукоплесканіемъ, можетъ стать наряду съ драматическими произведеніями Французовъ, писанными изящ-

007877567

нымъ и чистымъ слогомъ. Гжа. Графиньи умерла въ Парижѣ на 51 году отъ своего рожденія. Горесть, произведенная въ ней неудачею ея комедіи, отчасти была причиною ея смерти.

ГЖА. ЛЕ ПРЕНСЪ ДЕ БОМОНЪ.

Гжа. ле Пренсъ де Бомонъ родилась въ Руанѣ 26 Апрѣля, 1711 года. Будучи воспитана въ Протестантской религіи, она оставила Францію, въ намѣреніи сыскать себѣ убѣжище въ Англіи. Она поселилась въ Лондонѣ, гдѣ занималась воспитаніемъ; въ ето самое время писала она нравственныя сочиненія, объ Исторіи, Вѣрѣ и воспитаніи. Она занялась симъ родомъ учености, и выдала два сочиненія одно послѣ другаго: *Магазинъ для дѣтей* и *Магазинъ для юношей* (*). За сими двумя слѣдовало прежіе, подъ

(*) Сіи сочиненія Гжи. де Бомонъ равно переведены на Руской языкъ.

названіемъ: *Наставленія молодымъ лю-дямъ, вступающимъ въ свѣтъ и сочетавающимся бракомъ*; ихъ должности въ семъ новомъ состояніи и обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ.

Книги ея введены въ употребленіе во всѣхъ Пансіонахъ. Мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ оныхъ. Полученный ими успѣхъ состоитъ въ похвалѣ, каковой онѣ истинно достойны. —

Гжа. ле Пренсъ де Бомонъ сочинила также новые романы, кои, не смотря на посредственность ихъ, заключаютъ въ себѣ превосходную нравственность. Вотъ нѣсколько строкъ изъ *Баронши Баттевиль*. Романъ сей писанъ въ видѣ писемъ. Баронша описываетъ одной изъ своихъ пріятельницъ свою исторію слѣдующимъ образомъ:

„Я дочь кавалерійскаго Капитана, расточившаго въ молодости все имѣніе свое, и принужденнаго послѣ жить однимъ жалованьемъ. Сіе однако не помѣшало ему жениться, по склонности своей, на одной знатной дѣвушкѣ,

не больше его богатой. Смерть постигла отца моего вскорѣ послѣ брака его, и онъ оставилъ супругу свою въ ужасной бѣдности, которая была уже шесть мѣсяцевъ беременною. — Она не перенесла бы сего ужаснаго положенія, еслибъ желаніе сохранить залогъ любви своей не подкрѣпило ее чудеснымъ образомъ. Оставлена будучи всѣми, мужественно предала она себя на волю Провидѣнія, твердо уповая, что неутомимый трудъ спасетъ ее отъ нищеты. Въ такихъ тяжкихъ трудахъ произвела она меня на свѣтъ. Тысячу разъ повторяла мнѣ, что она твердо рѣшилась — что дѣйствительно исполнила — предохранить меня отъ гоненія судьбы хорошимъ воспитаніемъ.

„Баронша отъ самой колыбели удивляла всѣхъ, кто только видѣлъ ее; въ ней соединенъ былъ съ красотою рано созрѣвшій умъ, здравый разсудокъ, непорочное сердце.

„Мать моя говорила мнѣ: хорошая женщина съ пріятностію обращаетъ на себя взоры всѣхъ — и ее лю-

бятъ; умныхъ только почитаютъ — съ лѣтами и красота исчезаетъ, а съ нею и тѣ нѣжныя чувствованія, кои она внушаетъ. Чтожъ остается у такой женщины, которая приобрѣла только пустыя и скоропреходящія похвалы? Несносныя и безполезныя жалобы, до отчаянія доводящая скука! Однѣ душевныя доблести всегда имѣютъ право на удивленіе и почтеніе.“

Теперь выпишемъ нѣсколько строкъ изъ другаго романа Гжи. де Бомонъ, подъ названіемъ: *Новая Клариса*. Вотъ какимъ образомъ важная Клариса разсуждаетъ съ пріятельницею своей о должностяхъ женщинъ:

„Преданность Провидѣнію должна быть первою добродѣтелью женскаго пола. Воспитаны будучи въ нѣдрѣ семейства, гдѣ обыкновенно насъ любятъ, и любятъ нѣжно, и не въ состояніи будучи предвидѣть своего жребія, мы должны нѣ-

когда оставить его, предаться чужой власти. Мущины, къ несчастію, не стыдятся обманывать слабое твореніе, которое отдаетъ имъ все, что только имѣетъ драгоцѣннѣйшаго, и за принужденіе, испытанное ими въ нѣсколько времени, заставляютъ насъ платить счастіемъ цѣлой жизни. Я увѣрена, что самые умные мущины имѣютъ дурныя минуты, коихъ тягость надобно облегчать. Увѣряю васъ, что если бы Богъ предоставилъ мнѣ выборъ образа жизни: то набожную жизнь я предпочла бы всякой другой. Я читала, что если бы прежде брака дѣлали искусъ: то очень мало нашлось бы охотниковъ. Однакожъ бракъ есть состояніе Богу угодное — и мы должны заблаговременно обрѣсти средства для облегченія бремени жизни нашей. Вашъ супругъ почитается честнѣйшимъ человѣкомъ; однакожъ онъ гордъ, какъ Шотландецъ. Я вамъ признаюсь, что порокъ сей въ мужѣ прощу скорѣе всякаго другаго; ибо имъ можно воспользоваться во многихъ случаяхъ, и

сбороняться имъ — имѣющій его достоинъ уваженія. Нѣтъ, любезная! Покорность къ супругу порабощаетъ не первую женщину. Почтеніе и покорность суть права, данныя ему Богомъ — и мы можемъ надѣяться, что чѣмъ ревностнѣе будемъ исполнять должность свою, тѣмъ болѣе можемъ ожидать равнаго съ мущинами почтенія. Ни одного замѣчанія вашего я не позабыла. Очень мало случалось мнѣ видѣть такихъ свадебъ, гдѣ бы супругъ, слѣдуя одной только привычкѣ, не уступилъ бы супругѣ своей правой стороны, идя ко алтарю. Замѣчаніе сіе болѣе не годится. Священникъ распоряжаетъ всѣмъ, и показываетъ супругѣ, какое должна она занять при входѣ мѣсто по лѣвую сторону."

Гжа. де Бомонъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи, купила себѣ небольшую земельку въ окружностяхъ Аннеци въ Савоіи, и не много послѣ въ семъ

городѣ домикъ, въ которомъ она поселилась; время смерти ея намъ не извѣстно.

Г Ж А. БУРЕТТЪ.

Шарлотта Рене Буретъ родилась въ Парижѣ, 1711 года. Она была дочь лимонадчика — и сама была за двумя мужьями, занимавшимися тѣмъ же промысломъ, изъ коихъ первой назывался Кюръ, а другой Буретъ. Такъ какъ послѣ втораго брака она издавала сочиненія свои, подъ названіемъ: *Муза лимонадчица* (Muse limonadière): то по сему она извѣстна болѣе въ ученомъ свѣтѣ подъ симъ именемъ.

Сочиненія ея вышли въ свѣтъ сначала порознь; но послѣ она собрала ихъ въ два тома и поднесла Королю Станиславу, подъ названіемъ: *Собраніе стиховъ и прозы.* По видимому, перо свое Буретъ посвятила на прославленіе знаменитыхъ дѣлъ своего отечества.

Написанная ею ода въ честь Королю Прускому была первымъ ея произведеніемъ. Между строфами, составляющими оную, слѣдующія кажутся намъ достойными представить ихъ читателямъ. Ода сія сочинена была прежде войны 1755 года.

„Царь учености и мудрости, я родилась на берегахъ Сены, далеко отъ береговъ щастливой Сиреи, украшаемыхъ твоимъ присутствіемъ. Тамо царствуешь ты надъ умами. Ручьи и рѣки не суть предѣлы владычества твоего — удостой днесь принять дань моего усердія и удивленія.“

„Но могу ли приносить жертву на алтаряхъ твоихъ? Предки мои простые смертные. Боги отказали мнѣ въ почестяхъ, титлахъ и чинахъ. Можетъ ли слабый гласъ воспѣть Царя? Безъ сомнѣнія, восклицаешь мудрость, ты можешь пѣть Царя-Философа, который попираетъ ногами химеры знаш-

ности. Единую добродѣтель онъ чтитъ благородствомъ.“

„Любимецъ Уранiи, другъ Калліопы, и та и другая, подобно мнѣ, рождены во владѣнiяхъ Лилей; онѣ направили полетъ свой въ страны Гиперборейскiя, чтобы повергнуться предъ подножiемъ твоего трона и удивляться тебѣ, Царю мудрости, который въ Аполлонѣ чтитъ бога годовыхъ временъ и бога пiитовъ.“

„Вся земля чтитъ тебя. Тщеславная Венецiя не менѣе гордится рожденiемъ того философа, который умѣлъ приобрѣсти любовь твою и благосклонность Нептуна; ибо философъ сей соединилъ прелести Анконiи съ глубокомыслiемъ Албiона.“

Богъ Геликона, одушеви меня! да предамся я тѣмъ восторгамъ, коими нѣкогда восхищена была Муза Лесбоская. Она пѣла прелести того опаснаго любовника, который помрачилъ ея умъ; но я воспѣваю нынѣ доблести вѣнчаннаго мудреца, окриляющаго нашъ разумъ.“

„Такъ, великій Государь! твои безсмертныя творенія, коимъ всѣ удивляются, будутъ вѣчно научать Царей земныхъ искусству управленія народами. Ты обнажилъ злобу и измѣну, коихъ безстыдно смѣшали гнусныя души съ политикою.“

„Знаменитый любимецъ девяти Сестеръ, звуки твоей лиры проникли во глубину сердца моего, и безсмертный пѣвецъ Генриха восхищенъ твореніями твоими, кои тебѣ для славы твоей произвесть угодно было. Внимая тебѣ, онъ часто забывалъ Аполлона. — И самъ сей богъ не раздражался: онъ былъ въ тебѣ — его ему же предпочитали.“

„Сколь различныя и согласныя звуки представляешь ты слуху нашему! Изгнанный и смущенный Панъ убѣгаетъ въ непроницаемые лѣса — и не смѣетъ спорить съ тобою. Онъ вспоминаетъ, что нѣкогда во Фригіи былъ побѣжденъ страшнымъ соперникомъ, коего почиталъ онъ прежде слабымъ пастухомъ — и страшится, чтобъ

пастухъ сей не преобразилъ посоха своего въ скипетръ, и сдѣлавшись Царемъ, не забылъ бы о прежнемъ состояніи своемъ."

„Праведное Небо! что я слышу, ужасное чудовище потрясаетъ воздухъ своими жалобами и воздыханіями — врагъ Ѳемиды, окованный свѣрнымъ Соломономъ — съ пламеннымъ и зіяющимъ злобою челомъ обращаетъ на самого себя собственныя [illegible] гибели смертныхъ. Отчаяніе возбудило въ немъ такое бѣшенство. Богиня правосудія съ усмѣшкою одобряетъ правоту, которую врагъ сей еще въ первый разъ оказываетъ. Она вручаетъ мечь правосудія Законодателю Спреи."

„Суевѣріе, невѣжество и изувѣрство смѣшиваютъ крики свои съ жалобами на злоупотребленіе законовъ: въ безмолвіи я внимаю имъ — ихъ заклинанія, хулы болѣе, прославятъ тебя, великій Государь, нежели всѣ хвалы мои." —

Пруской Министръ подарилъ Гжѣ Буреттъ за сію оду золотую табакерку, за которую она благодарила стихами.

Она также писала стихами къ одной изъ своихъ пріятельницъ, которая также была лимонадчица.

Когда должники Гжи. Буретть платили ей неисправно: то она употребляла слѣдующій способъ, которой всегда почти имѣлъ успѣхъ — вмѣсто щета, она посылала къ нимъ стихи, за кои не только что получала старые долги, но еще иногда лестные отвѣты, и даже въ стихахъ.

Послѣ взятія Магона, Маршалъ Ришелье, котораго она воспѣвала, удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ въ ея лавкѣ. Она привѣтствовала его стихами.

Она сочинила также двѣ *епитафіи*: одну Гну. Фонтенелю, а другую Папѣ Венедикту XIV. Кромѣ того она написала комедію: *Наказанная*

кокетка, которая была играна въ 1779 году. Гжа Буретть умерла 1784 года, въ Январѣ мѣсяцѣ.

ГЖА. РИККОБОНИ.

Марія-Жанна де Мезіеръ де Лабора родилась въ Парижѣ, 1714 года. Она вышла за Италіянскаго актера Риккобони, названнаго Леліо, и сама прекрасно играла на театрѣ любовныя роли. Въ 1761 году она, оставивъ сцену, совершенно посвятила себя наукамъ.

Она описываетъ сама себя слѣдующимъ образомъ:

„Я высокаго роста, черноглаза, лицемъ довольно бѣла; взоръ мой показываетъ чистосердечіе; чему послужатъ доказательствомъ мои поступки. Въ бесѣдѣ съ любезными сердцу моему я весела и развязна; съ незнакомыми обхожусь холодно. Весьма дурно поступаю съ тѣми, ко-

торыхъ я презираю; не нахожусь, что говорить съ незнакомыми — когда они мнѣ наскучатъ — я глупѣю."

„Такъ какъ я веду простую и единообразную жизнь: то и наслаждаюсь совершеннымъ здоровьемъ. Огорченія, долгая и тягостная подчиненность не могли разстроить его. Нравъ мой не всегда одинаковъ: онъ зависитъ отъ состоянія души моей. Всѣ мои чувства изображаются на челѣ моемъ; я не умѣю притворяться. Когда знакомые мои пріѣдутъ ко мнѣ: то они легко могутъ видѣть изъ глазъ моихъ, рада ли я имъ — или нѣтъ? У меня мало друзей; но хотябъ и можно было имѣть ихъ много: то и тогдабъ я любила немногихъ. Умъ для меня занимателенъ, а не обольстителенъ; что-жъ касается до доброты сердца, она всегда мнѣ нравится и привязываетъ къ себѣ. Правда, я не богата; но избытокъ замѣняю умѣренностію. Я не щитаю себя бѣднѣе даже самыхъ богачей; ибо желанія мои умѣренны.

И сія-то умѣренность дѣлаетъ для меня очень многое совсѣмъ ненужнымъ."

Исторія Маркиза Кресси была первымъ произведеніемъ пера Гжи. Рикобони. Романъ сей имѣлъ большой успѣхъ. Онъ написанъ умно и прекрасно; нѣжность чувствъ соединена въ немъ съ пріятностію слога.

Послѣ сего романа выданъ другой: *Фанни Бутлеръ*, а за нимъ *Жюльетта Катезбей*. Представимъ здѣсь читателю нѣкоторыя описанія, кои, кажется, довольно удачны. Одно изъ нихъ изображаетъ супругу Сира Варши.

„Гжа. Варши, при всей молодости своей, очень высока, суха, блѣдна и вяла; у ней лице угрюмое съ маленькою головой, вертящеюся на тонкой шеѣ; она будетъ смѣяться предъ вашими глазами; но вы не замѣтите ни малѣйшаго слѣда веселости на лицѣ ея."

„Лади Говартъ женщина очень малорослая; не только не щеголиха, но еще крайне неопрятна. Она заи-

мается управленіемъ своего дома, толкуетъ съ откупщиками своими; браниться слугъ — любитъ своего мужа — родитъ ему дѣтей — шьетъ; что касается до чтенія: то она совсѣмъ не занимается имъ, боясь ослабить зрѣніе; совѣтуется съ домашнимъ священникомъ; покровительствуетъ любви, во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ женитъ своихъ вассаловъ — съ важностію разсуждаетъ о бездѣлицахъ и за великое ставитъ мѣлочи."

„Милади Винчестеръ очень любезная и умная женщина, прекраснаго поведенія: не тщеславна, хотя собой прелестна и хорошо воспитана; любитъ своего мужа; знаетъ его причуды и не смѣется надъ ними — и своею скромностью заставляетъ молчать насмѣшниковъ. Набожна безъ пустосвятства; строга къ самой себѣ — снисходительна къ другимъ; со всѣми ласкова, отнюдь не горда, всѣми уважаема и любима."

„Теперь проявилась у насъ новая Графиня Ваннелагъ, маленькая

вертопрашка, которая ничего не любитъ, кромѣ шума и веселія. Прекрасна, но непостоянна. Жалкое состояніе! я замѣтила, что всѣ таковые люди легко впадаютъ во всякіе проступки.“

„Графиня Бристоль только мечтаетъ всё покорять себѣ и всё собою помрачить. Совершенная красота — къ тому жъ еще рядится она съ утра до вечера, чтобъ еще прекраснѣе показаться; ни о чемъ болѣе не говоритъ, кромѣ дѣйствій красоты. Если кто обращаетъ къ ней рѣчь: то ужь она думаетъ, что ей хотятъ сдѣлать комплиментъ: знакъ благодарности у нее всегда предшествуетъ вниманію. Всѣ наши дамы стараются осмѣять ее; однакожъ, не смотря на ето, она нравится — только глазамъ.“

Потомъ Гжа. Риккобони выдала въ свѣтъ *Миссъ Женни* и *письма Графини Сансерръ*.

При мужѣ Графиню Сансерръ всѣ почитали своенравною, странною, и даже чудесною женщиной, дѣлающей

мещастнымъ слабаго человѣка, который, по видимому, страстно любилъ ее. Какъ скоро она овдовѣла: то всѣ причуды ея изчезли; иногда странность ея характера приписали тому, что она по неволѣ выдана за мужъ. Графиня Сансерръ въ писанныхъ ею письмахъ къ другу своему Графу Нансе изображаетъ истинную причину мнимыхъ причудъ своихъ. —

„Едва мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, говоритъ она, какъ Маршалъ де Тандъ представилъ мнѣ племянника своего Графа Сансерра, и просилъ меня полюбить его, какъ брата. Наружный его видъ мнѣ понравился; умъ его очаровалъ меня, а услужливость тронула меня. Первымъ его стараніемъ было понравиться мнѣ и увѣрить меня въ любви своей. Я не знала еще, что такое притворство и обманъ — сердце мое легко было уловлено непоспижимой для меня хитростію.“

„Ничто не препятствовало нашему союзу; Маршалъ спѣшилъ и съ согласія матери моей сдѣлалъ кон-

тракть и раздѣлилъ намъ имѣніе. Когда онъ читалъ статьи сего контракта, тогда Графъ Сансерръ не могъ скрыть своего удивленія; онъ думалъ, женясь, выпити изъ той зависимости, въ коей онъ всегда находился. Его молчаніе и краска въ лицѣ ясно показывали тайное его неудовольствіе; по окончаніи чтенія контракта, онъ подписалъ его. Государь мой, сказалъ дядя ему, въ семъ конвертѣ лежатъ сдѣланныя мною два завѣщанія: по одному изъ нихъ, вы полный наслѣдникъ, а по второму, жена ваша. Отъ поведенія вашего зависитъ исполненіе одного изъ сихъ завѣщаній. — Вашъ отецъ жестоко оскорбилъ сестру мою, и былъ виновникомъ ея смерти. Ето горестное воспоминаніе живо представляется въ памяти моей, и заставляетъ меня лишить васъ способа повергнуть жену вашу и дѣтей въ то жалкое положеніе, въ какомъ вы находились сами. — Я даю вамъ молодую и прекрасную супругу, знатнаго происхожденія, скромную, любезную и богатую — однимъ

словомъ, ту, которая соединяетъ въ себѣ всё, что можетъ тронуть сердце и обуздать страсти. Отецъ ея былъ мнѣ родственникъ — дружба и родство связуютъ меня съ дочерью Графа Даммартень. Для меня очень лестно видѣть ее щастливою. Вы можете составить щастіе ея жизни; еслижъ условіе сіе устрашаетъ васъ: я не намѣренъ васъ принуждать къ тому. — Сансерръ отвѣчалъ на ето низкимъ поклономъ — и подписалъ брачный договоръ."

„Свадьба наша была сыграна безъ всякой пышности и великолѣпія; супругъ мой долженъ былъ ѣхать въ Германію, гдѣ собирались войска. Въ ето самое время мать моя сдѣлалась отчаянно больна. Послѣ семи дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою, я была увѣдомлена о смерти любезной родительницы своей, нѣжнаго и почтеннаго друга моего; я живо чувствую невозвратную потерю — и самое все истребляющее вре-

010078756

мя не истребитъ изъ памяти моей воспоминанія объ ней.“

„Въ половинѣ Октября Г. Сансерръ возвратился. Маршалъ отдалъ намъ свой лѣтній домикъ; я провела въ немъ четыре мѣсяца; столь довольная судьбою, я живо чувствовала нѣжность Сансерра и отеческія попеченія Маршала; щастіе мое казалось мнѣ совершеннѣйшимъ. Сладостное невѣдѣніе! лестное заблужденіе! пріятныя мечты! не уже ли вы только дѣлаете насъ щастливыми? Ахъ, другъ мой! сердце мое еще и теперь трепещетъ, когда вспомню то время, въ которое я была обманута, презрѣна — почитала себя щастливою.“ —

„Однажды вечеромъ Г. Сансерръ уѣхалъ въ Версаль; вдругъ кабинетъ его загорѣлся; испуганные слуги спѣшили перенести изъ него въ мои покои драгоцѣннѣйшія вещи. Пріѣхавъ отъ сестры, у которой я ужинала, нашла все у себя въ безпорядкѣ. По щастію, пожаръ былъ потушенъ и опасность миновалась; но какъ въ

кабинетѣ нужно было починить полъ и потолокъ: то приказала принести изъ него остальныя вещи, боясь, чтобы мастера, переставляя ихъ съ мѣста на мѣсто, не повредили."

„Однажды я уже совсѣмъ ложилась спать, какъ нечаянно примѣтила на каминѣ запечатанную записку. Люди въ торопяхъ и хлопотахъ забыли мнѣ сказать объ ней. Она была прислана ко мнѣ отъ Гжи. де Сезанъ: она просила меня доставить ей два алмазные цвѣтка, на манеръ коихъ она хотѣла себѣ заказать: я спросила ларчикъ, мнѣ подали его, открываю его и приказываю моей горничной, Полинѣ, взять сіи цвѣтки и отослать ихъ къ Гжѣ Сезанъ. — Полина долго искала ихъ, перерыла всѣ бумаги, выдвинула всѣ ящики, наконецъ съ страхомъ вскричала, что не можетъ найти цвѣтковъ. Я пошла сама; взглянула на нее съ досадою, и прежде всего осмотрѣла ящикъ Гна. Сансерра; нашла въ кабинетѣ алмазные цвѣтки и отослала

101007877

ихъ. Потомъ, запирая ларчикъ своего мужа, примѣтила на сгибѣ одного письма написанныя слѣдующія слова, кои возбудили во мнѣ любопытство: *„Я вамъ позволила жениться на Аделаидѣ.“*

„Я узнаю почеркъ Гжи. Сезанъ — и странность сего выраженія заставила меня прочесть самое письмо, которое было у меня въ рукахъ. Я прочла его — и нещастіе мое было несомнѣнно.“

„Когда я читала, удивленіе мое, смятеніе, волненіе чувствъ и трепетъ сердца были неизъяснимы. Я думала, что все ето вижу въ страшномъ для меня снѣ. Съ сердцемъ отпихнула я ларчикъ, отошла отъ него; чрезъ минуту, опять подошла къ нему. Между многими табакерками съ портретами Гжи. де Сезанъ, я увидѣла одну изъ нихъ, ту самую, которую я нѣкогда подарила Г. Сансерру — открываю футляръ съ боязнію и трепетомъ: льщу себя надеждою найти мое изображеніе; но,

вмѣсто его, взорамъ моимъ представляется портретъ Гжи. Сезанъ — стрѣла горести пронзила сердце мое. — Я узнала, что предана, презрѣна и ненавидима. Слезы потекли изъ глазъ моихъ и омочили письмо и портретъ моей соперницы. Въ отчаяніи своемъ предалась я всей горести своей, какъ вдругъ дверь отворяется и Сансерръ скорыми шагами входитъ въ комнату. Взглянувъ на него, я вскрикиваю; онъ подходитъ — видитъ свой ящикъ въ безпорядкѣ — бумаги свои на полу около меня; примѣчаетъ, что тайна его открыта; дрожитъ, бѣшенство изображается на челѣ его — и въ страшныхъ его взорахъ. — Я содрогаюсь — смертельный холодъ объемлетъ меня — дѣлаю усилія — хочу бѣжать — сердце мое перестаетъ биться — и безъ чувствъ падаю къ ногамъ Сансерра.“

„Судьбѣ не угодно было привести меня въ сію комнату въ три часа утра. Слуга Гжи. Сезанъ, приносившій письмо ко мнѣ, видѣлъ по-

жарѣ въ кабинетѣ Сансерра. — Лишь только Король заснулъ: то Графъ пріѣхалъ изъ Версаліи къ своей любовницѣ и узналъ отъ нее о семъ произшествіи. — Безпокоясь о своихъ бумагахъ, спѣшитъ онъ домой; но нашедъ кабинетъ свой въ безпорядкѣ и узнавъ, что ящикъ его въ моемъ кабинетѣ — онъ вознамѣрился войти ко мнѣ потихоньку, и не разбудивъ меня, унести столь важный для него ящикъ; но услышавъ плачь мой и вздохи, онъ отворилъ дверь, — какъ я вамъ прежде сказывала; онъ оставилъ меня въ обморокѣ, кликнулъ ко мнѣ женщинъ, унесъ свой ящикъ и вышелъ изъ комнаты, запретивъ слугамъ сказывать, что онъ нынѣшнюю ночь былъ у меня. Приказанія его были въ точности исполнены — и я до самой его смерти не могла ничего подробно узнать.“

„Какъ скоро я опомнилась отъ сильнаго обморока, то первой представившійся глазамъ моимъ предметъ былъ Маршалъ де Тандъ. Сидя подлѣ меня,

онъ страшился, чтобъ я не сдѣлалась жертвою обморока, который, по словамъ его, продолжался отъ полуночи до половины дня. Онъ принималъ во мнѣ живѣйшее участіе и нѣжно обнявъ меня, воскликнулъ добрый и почтенный старикъ сей: дочь моя! что за несчастіе? Кто виновникъ онаго? Ваша блѣдность, изнеможенный, видъ съ коимъ вы слушаете меня, ваши вздохи, слёзы, имя вашего мужа, которое вы съ горестію произносили въ обморокѣ своемъ — все мнѣ показываетъ, что здѣсь скрывается непостижимая для меня тайна. Я хочу знать ее. — Приказавъ выйтти моимъ служанкамъ, онъ спрашиваетъ меня, умоляя отвѣчать ему. Не уже ли Сансерръ виною слезъ вашихъ? Не уже ли онъ такъ огорчилъ васъ? Говорите, говорите, любезная племянница! Не скрывайте отъ меня ничего. Сдѣлайте довѣренность тому чувству, которое меня влечетъ спрашивать васъ.“

„Доброта Маршала — его ласки, увѣренность въ его любви ко мнѣ

разположили сердце мое къ естественной страсти жаловаться и возбудить нѣжное сострадание повѣствованіемъ своихъ нещастій. Я бросилась въ объятія сего почтеннаго и чувствительнаго друга — оросила слезами лице его. Я хотѣла уже начать жалобы; но вопли и вздохи прерываютъ голосъ мой. Сансерръ, Сансерръ! повторяла я. — Но что онъ сдѣлалъ? спросилъ съ живостію Маршалъ. Соединяя васъ съ нимъ, я обѣщалъ и клялся пещись о вашемъ спокойствіи и щастіи и всегда защищать васъ отъ него; развѣ онъ мало занимается вами? Развѣ онъ пренебрегаетъ, или оскорбляетъ васъ? — Вы плачете, сударыня! для чего страшитесь быть откровенною съ родственникомъ вашимъ, съ другомъ, котораго привязанность къ вамъ и честность извѣстна вамъ? Развѣ вы забыли, что я могу наказать Графа Сансерра, если онъ подалъ справедливыя причины жаловаться на его поведеніе?“

„Слова сіи привели мнѣ на память то, что Маршалъ говорилъ своему

племяннику при заключеніи договора о нашемъ соединеніи. Я вспомнила о двухъ завѣщаніяхъ, изъ коихъ одно дѣлало меня совершенною наслѣдницею послѣ Маршала; говоря съ нимъ, я уже хотѣла произнести жалобы на Гна. Сансерра, приобрѣсть всѣ выгоды на свою сторону, и сдѣлать своего мужа совершенно зависимымъ отъ меня, которой онъ совсѣмъ не любилъ; но кто знаетъ, подумала я, можетъ быть, онъ находясь въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ долженъ сообразоваться съ моею волей: сіе самое можетъ статься, еще болѣе вооружится противъ меня ненавистью. — Мысль сія поколебала мою душу, и лишила меня удовольствія ввѣрить тайну единственному моему благодѣтелю. Она вынудила у меня скорбный вопль — а сей печальный вопль и глубокіе вздохи выражали чувства моего сердца. — Я, отдавъ всѣ права наслѣдства мужу своему, лишилась права обвинять его и жаловаться на него.“

„Маршалъ просилъ меня, чтобъ я оказала ему болѣе довѣренности, какъ пришли доложить ему, что Графъ, по его приказанію, пріѣхалъ изъ Версаліи. Онъ всталъ, чтобы встрѣтить его; но Сансерръ предупредилъ его. Съ блѣдностію и смущеніемъ на лицѣ появился онъ у дверей моей комнаты, приближился тихими шагами — посмотрѣлъ блуждающими взорами то на меня, то на дядю, стараясь прочесть въ нашихъ глазахъ, какого пріема должно ему ожидать. Будучи ободренъ первыми словами Маршала и увѣренъ, что онъ не знаетъ еще подробностей ночнаго приключенія, онъ кинулся на колѣни передъ постелью моей, схватилъ мои руки, осыпалъ ихъ поцѣлуями, спрашивалъ служанокъ, заставлялъ ихъ разсказывать ночное приключеніе со мною и знаками величайшей нѣжности кончилъ роль свою. Полина сказала ему, что звонъ моего колокольчика разбудилъ ее, и что она, прибѣжавъ ко мнѣ, нашла меня уже лежавшею безъ чувствъ, съ лицемъ омоче-

мымъ слезами. — Сансерръ разспрашивалъ ее, не боясь моихъ ошибокъ. Онъ вышелъ изъ комнаты моей, прежде нежели она вошла въ нее. Такая предосторожность совершенно обезопасила его отъ всякаго подозрѣнія."

„Безпокойный видъ, съ какимъ разспрашивалъ меня Г. Сансерръ о причинѣ столь чрезвычайнаго разстройства моего, его ласки, искренность вопросовъ его, смѣлость, съ каковою онъ повторялъ ихъ, нечувствительнымъ образомъ заставили меня подумать: не страшный ли сонъ разстроилъ воображеніе мое; не уже ли сей человѣкъ, оказывающій мнѣ такую нѣжность, былъ любовникъ Гжи. де Сезанъ, или страстный супругъ, коего любовь была столь жива и непритворна?"

„Притворство Сансерра увѣнчалось успѣхомъ. Онъ нѣсколько разъ утверждалъ, что обморокъ мой есть слѣдствіе страха, произведеннаго испуганными слугами и увеличенный разсказами. Маршалъ ему повѣрилъ и убѣдилъ меня, что племянникъ его ни ма-

ло не виноватъ, что я находилась въ такомъ состояніи, изъ котораго только что вышла."

„Сансеррь, проводивъ его, скоро возвратился ко мнѣ, и перемѣнивъ видъ и тонъ, сказалъ: Государыня моя, неблагоразуміе мое и ваше безразсудное любопытство предали въ руки ваши добрую славу почтенной женщины и щастіе того человѣка, на котораго вы можете жаловаться; вы думали, что любимы — вы ошиблись: теперь знайте, что связь, у меня бывшая съ нею, прежде нежели я узналъ васъ, не смотря на прелести ваши, не позволила мнѣ отдать вамъ моего сердца, которое уже занято. Нужда заставила меня соединиться съ вами — и сія-то необходимость сдѣлала прежнія мои связи еще болѣе для меня любезными. Не буду мстить вамъ, увѣряю, что я готовъ жертвовать собою. Я не унижу себя до того, чтобы просить васъ о сохраненіи тайны; вы тщетно станете мнѣ обѣщать ето — собственныя ваши вы-

тоды побудятъ васъ открыть ее: можетъ ли когда нибудь женщина отказать себѣ въ удовольствіи мщенія? Разглашайте, сударыня, разглашайте, жалуйтесь Маршалу, губите Гжу. Сезанъ, похищайте мое наслѣдство; но знайте, что строя мнѣ козни, вы сами себѣ приготовляете ихъ. Ожидайте отъ меня всего, что только презрѣніе, ненависть и негодованіе произвести могутъ ужаснѣйшаго. Я сдѣлаю жизнь твою нещастнѣйшею. Поступки Гна. Сезана научатъ меня, какъ я долженъ съ тобой обходиться. Все, на что дерзнетъ онъ противъ жены своей — все ето, говорю, испытаешь ты. Но чѣмъ еще тогда грозишь тебѣ? Трепещи, безразсудная! Спрашись сама той участи, которую ты готовишь моей любезной. Ты подвергнешься ей! Клянусь тебѣ въ томъ всѣмъ для меня священнымъ и важнымъ. Окончивъ слова сіи, онъ всталъ и приближился къ дверямъ. Я распростерла ему свои объятія, звала его слабымъ, но нѣжнымъ голосомъ: су-

другъ мой! не убѣгай меня, вскричала я, не презирай меня, не питай ко мнѣ ненависти! — Я стану молчать, уста мои никогда не откроются ко вреду твоему — или огорченію. Онъ ушелъ, не выслушавъ меня и не удостоивъ отвѣта."

Чрезъ нѣсколько времени, Гжа Сансерръ оставила мужа своего, и удалилась въ свои помѣстья. — Такое удаленіе приписано было ея своенравію. Самъ даже Маршалъ переставалъ къ ней питать нѣжность, которую онъ всегда показывалъ ей. Все свое имѣніе онъ завѣщалъ племяннику своему. По щастію, Графъ Сансерръ умеръ спустя десять лѣтъ послѣ брака. Графиня увидѣла Гна. Монтель, полюбивъ его, соединила съ нимъ свою судьбу. — Сей щастливый бракъ изгладилъ всѣ претерпѣнныя ею съ первымъ супругомъ горести.

Гжа. Риккобони также выдала въ свѣтъ романъ: *Слѣпой* и *Ернестина*

Въ нихъ видны та же пріятность, тотъ же вкусъ, та же нѣжность чувствъ. Она умерла 6 Декабря, 1792 года.

ГЖА. ДЮ БОККАЖЪ.

Марія, Анна ле Пажъ, или дю Боккажъ родилась 1710 года, воспитывалась въ Парижскомъ монастырѣ Успенія Божія Матери.

Ея успѣхи были столь велики, что она повторяла историческіе и географическіе уроки съ своими подругами.

Родясь съ отличною склонностью къ Поезіи, она такъ занялась Англійскимъ языкомъ, что наконецъ въ состояніи была подражать Французскими стихами Попеву сочиненію: *Храмъ славы*. Дѣлая сіе подраженіе, она скрывала свои піитическіе таланты, и примѣняясь къ образу мыслей своего вѣка, показывала себя несвѣдущею.

Такимъ образомъ первое произведеніе ея напечатано было только въ собраніи ея сочиненій, 1769 года.

Между тѣмъ, просвѣщеніе всюду распространялось; причиною таковой перемѣны было вліяніе Фонтенеля въ Науки, а Волтера въ Словесность. Тогда піитическій Геній Гжи. дю Боккажъ открылся во всемъ своемъ блескѣ.

Многіе ученые мужи согласились въ назначенное время собираться у знатныхъ Госпожъ.

Тогдажъ въ провинціяхъ стали открываться Академіи; знаменитѣйшею почиталась Руанская, основанная въ 1745 году, подъ покровительствомъ Дюка де Люксамбургъ, Губернатора оной провинціи, въ коей родился Корнель, Пуссенъ и Фонтенель; въ 1746 году Гжа. дю Боккажъ имѣла щастіе получить отъ Академіи награду.

Сіе напоминаетъ намъ дѣвицу Скюдери, которая въ 1671 году первая получила награду отъ Французской Академіи.

Гжа. дю Бюккажъ, удостоившись награды отъ Руанской Академіи, стала выдавать свои сочиненія подъ своимъ именемъ.

Между тѣмъ она сдѣлала опытъ подражанія красотамъ безсмертнаго Милтона, выбравъ изъ Поемы его Потерянный рай соотвѣтственныя своему таланту мѣста.

Посмотримъ, какъ она оправдывается въ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ ею перемѣнахъ въ сей поемѣ.

„Желая угодить соотечественникамъ своимъ, и примѣняясь ко вкусу ихъ, я не устрашилась упрековъ Англичанъ за ту дерзость, объ какою я сдѣлала многія перемѣны въ уважаемой ими Поемѣ.

„Сокращая описанія битвъ Ангеловъ, изображенія коихъ превышали слабый талантъ мой — я почла за нужное перемѣнить заимствованныя изъ баснословія сравненія, какъ не соотвѣтствующія содержанію Поемы, опустить игры дьяволовъ въ аду и много другихъ излишнихъ мѣстъ.

„Англійскій Поетъ изобразилъ яркими красками невинную страсть Адама и Еввы. Я старалась подражать выразительной простотѣ его изображеній, представляя природу сихъ щастливыхъ временъ, когда еще хитрость и притворство были неизвѣстны смертнымъ.“

Смерть Авеля послѣдовала за Потеряннымъ раемъ.

Гжа. дю Бокажъ также сдѣлала подражаніе Поемѣ Геснера: Смерть Авеля. Въ семъ послѣднемъ твореніи показала она болѣе искусства, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ; — что самое и не воспрепятствовало ей сказать съ обыкновенною ея скромностью: я прошу прощенія у Мильтона и Геснера въ томъ, что обидѣла ихъ.

Ободрясь полученнымъ ею успѣхомъ въ подражаніи *Потерянному раю*, Гжа. дю Бокажъ отдала на Французскій театръ, 1779 года, трагедію свою подъ названіемъ: *Амазонки*. Половина публики рукоплеска-

ла ей, а половина критиковала ее; однакожъ піеса ея переведена была на чужестранные языки.

Гжа. дю Боккажъ потомъ выдала свою епическую поему *Коломбіаду* въ трехъ пѣсняхъ; сія поема ее прославила — и ею-то окончились ея піитическія упражненія; желаніе распространить познанія свои побудило Гжу. дю Боккажъ на 40 году отъ рожденія своего предпринять путешествіе.

„Согласно съ Платономъ мыслила она, что лучше обозрѣть свѣтъ осенью своей жизни, нежели весною.

„Въ 15 или 20 лѣтъ — такъ говоритъ она — отечество осыпаетъ насъ ласками, подобно нѣжному родителю; для него мы тоже, что разцвѣтшій цвѣтокъ; тогда все окружающее насъ кажется для насъ новостію; вездѣ мы встрѣчаемъ предметы для нашего удовольствія и удивленія. Привычка дѣлаетъ сіи самые предметы для насъ скучными. И такъ, оставимъ на время родину свою и будемъ въ чужой

странѣ новымъ существомъ; и ежели люди вездѣ одинаковы: то ихъ страсти и нравы, которые мы найдемъ совсѣмъ подъ другими видами, также могутъ возбудить наше вниманіе и любопытство, столь приятно занимающее молодость нашу. Такое удовольствіе, безъ сомнѣнія, будетъ вкушать тотъ, кто рѣшится объѣхать весь земный шаръ; оно возобновитъ наши чувствованія, истребляемыя временемъ и привычкою къ единообразнымъ предметамъ."

Путешествіе Гжи. дю Боккажъ по Англіи, Голландіи и Италіи подали ей поводъ къ описанію сихъ различныхъ земель въ письмахъ, въ коихъ едва ли она не сравнилась съ Гжею. Севинье. Особливо въ письмахъ объ Италіи у Гжи. дю Боккажъ видна тонкость въ сужденіяхъ и наблюденіяхъ, отъ коихъ ничего не могло укрыться.

Всего болѣе Гжу. дю Боккажъ занималъ Римъ, сія столица изящныхъ искусствъ. Съ нѣкоторымъ востор-

гомъ описываетъ она разнообразныя красоты, поражавшія ея взоръ, представляя себѣ съ особеннымъ чувствомъ удовольствія видѣнные ею предметы.

Памятники изящныхъ искусствъ и Древности, нравы и обычаи — ничто не укрылось отъ наблюдательнаго взора ея: самыя наблюденія Гжи. дю Боккажъ были похвалами.

Правда, что Гжа. дю Боккажъ принята была въ Римѣ наилучшимъ образомъ. Папа Венедиктъ XIV, коему она посвятила свою *Коломбіаду*, и Кардиналъ Пассіоней — коего надгробное слово Принцу Евгенію она перевела на Французскій языкъ — всячески старалися сдѣлать для нее пріятнымъ пребываніе ея въ Римѣ.

Проѣзжая Женеву въ 1758 году, она посѣтила въ Фернеѣ безсмертнаго Вольтера. Сей великій мужъ, по обыкновенію своему, въ первый день ея пріѣзда, пришелъ къ ней въ концѣ обѣда, и сѣвши подлѣ нее, сказалъ ей, что въ головномъ ея уборѣ чего-то недостаетъ — и съ сими словами на-

дѣлѣ на нее лавровый вѣнокъ. Съ того самаго времени Гжа. дю Боккажъ стала переписываться съ Волтеромъ, стихами и прозой.

Между прочимъ мы приведемъ здѣсь слѣдующіе стихи Фернейскаго пустынника, напоминающіе о ея пребываніи у него:

Какъ, хвалишь ты мой вкусъ, отъ свѣта удаленье,
И въ сельской тишинѣ мое уединенье!
Ты говоришь, что я въ описаніи твоемъ
Могу и мудрымъ быть и счастливымъ во всемъ.
Такъ точно! въ хижинѣ блаженство обитаетъ —
Тамъ истинный мудрецъ покой свой обрѣтаетъ,
И я нашелъ его въ пустынѣ мнѣ драгой.
Ахъ! жило нѣкогда блаженство и съ тобой!

Гжа. дю Боккажъ какова была въ обществѣ, такова и въ письмахъ своихъ. Въ нихъ она умѣла всему придавать какое-то благородство и новость.

Она болѣе слушала, чѣмъ говорила; другихъ не порицая, себя не выставляла; всегда справедливо и умно отвѣчествовала на тонкія ей похвалы.

Сія женщина, совершенно будучи безпристрастна сама къ себѣ, старалась оказывать всякому ласки и привѣтливость, кои составляютъ, такъ сказать, душу общества.

Рѣдкія качества и ученая слава Гжи. дю Боккажъ привлекли къ ней, по возвращеніи ея въ Парижъ, отличныхъ ученыхъ людей и писателей: Жантиль Бернарѣ, Мираво, Монкри, Барръ, Гельвецій, Кондильякъ, Мармонтель, Бальи, Кондорсе, Аббатъ Бартелеми составляли ея общество. Она ихъ всѣхъ любила, и ими также была любима.

Дюмустье, желая изобразить свои чувствованія, написалъ къ ней слѣдующіе стихи:

Какъ жаль мнѣ, что тебя я прежде не
узналъ!
Ахъ, сколько я чрезъ то блаженства по-
терялъ!

Я очень бы хотѣлъ опять переродиться,
Чтобъ только зря тебя, блаженствомъ
насладиться.
Хоть солнце кроется за возвышенья горъ,
Но все оно блеститъ, и нашъ прель-
щаетъ взоръ.
Тотъ въ двадцать лѣтъ старикъ, кто
нравиться не знаетъ:
Пріятный — въ старости младенцемъ
умираетъ.

Гжа. дю Боккажъ, непрестанно занимаясь науками, дожила до глубокой старости; она умерла 92 лѣтъ. Вотъ какъ Фонтенель, проведшій съ нею вмѣстѣ послѣдніе 30 лѣтъ и наслаждавшійся тогда славою, изображая портретъ ея, разсказываетъ причину коротко съ нею связи своей:

„Гжа. дю Боккажъ, говоритъ онъ, имѣла много побудительныхъ причинъ желать со мною познакомиться — и многія къ тому средства. Мы съ нею родились въ Руанѣ: подобно мнѣ она любитъ Словесность, въ коей приобрѣлъ я нѣкоторую славу, и занимается оною. Многіе изъ друзей ея и мнѣ

знакомы, хотя мы жили съ нею въ сосѣдствѣ; однакожъ она не старалась меня къ себѣ привлечь, никакъ не искала моего знакомства, которое могло бы сдѣлать ей честь — до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не сблизили меня съ нею.

„Сіе самое поселило во мнѣ высокія объ ней мысли — я сказалъ: вотъ самая скромная и мудрая женщина, превосходящая многихъ мущинъ!“

Мы заключимъ жизнь Гжи. дю Боккажъ стихами любимаго ею Англійскаго поэта:

Блаженъ живущій въ тишинѣ,
Въ кругу родныхъ, въ своей семьѣ:
Въ трудахъ своихъ онъ успѣваетъ,
Полямъ наслѣднымъ цѣну знаетъ;
Руно съ овецъ — съ древесъ плоды
Ему награда за труды.
Бѣлѣйшею снѣговъ волною,
Испканной лома, онъ одѣтъ;
А пищей вкусной и простою —
Млеко густое, сладкій медъ;
Кристальною струею чистой
Поитъ его ручей сребристой,
Гдѣ онъ въ палящій лѣтній день,
Склонясь въ дубравну, мирну сѣнь,

Вкушаетъ радость и прохладу.
На что ни взглянетъ онъ вокругъ —
Во всемъ, вездѣ онъ зритъ отраду:
Въ немъ сердце чисто, веселъ духъ —
Душей спокоенъ, тѣломъ силенъ,
Онъ всѣмъ доволенъ, всѣмъ обиленъ.
Свою работу кончивъ днемъ,
Спитъ ночью крѣпкимъ, сладкимъ сномъ.
Безпеченъ съ доброю душою;
Въ запасѣ хлѣ ъ на цѣлый годъ —
Ему не страшенъ недородъ —
И сытъ и тепель онъ зимою;
Не знаетъ прихотей, заботъ,
Тоской и грустью не томится,
И самой смерти не страшится,
И на Творца надежды полнъ,
Смежитъ спокойно вѣжди онъ,
Своими окруженъ сынами.
Пусть прахъ его не отличенъ
Ни мавзолеемъ, ни стихами;
Но тѣмъ не менѣе почтенъ, —
Въ потомствѣ онъ благословенъ.

Д. Б.

МАРКИЗА ДЮ ШАТЕЛЕ.

Габріели Емилія дю Бретель Маркиза дю Шателе дѣлала честь своему полу и послѣднему вѣку. Она родилась въ 1706 году. „Жена сія, по словамъ Гна. Волтера, соединяла съ стремленіемъ къ славѣ простоту, которая часто бываетъ плодомъ глубокомыслія. Едва ли женщина имѣла такія свѣдѣнія, какъ Шателе, и никто меньше ея не старался заслужить себѣ названіе ученой. Объ наукахъ говорила она только съ тѣми, отъ коихъ надѣялась что либо узнать, и никогда не говорила для того, чтобъ обратить на себя вниманіе; она никогда не бывала въ тѣхъ обществахъ, гдѣ спорятъ ученые, гдѣ учреждается родъ судилища, въ коемъ судятъ свой вѣкъ, будучи сами за то судимы имъ очень строго. Она жила долгое время въ такомъ обществѣ, гдѣ не знали ея достоинствъ — и она никакъ не хотѣла выводить оное изъ заблужденія.

„Отъ природы будучи одарена удивительнымъ краснорѣчіемъ, которое изливалось только тогда, когда она имѣла достойные себя предметы, она не употребляла дарованій своихъ на тѣ письма, въ коихъ другіе стараются блеснуть умомъ своимъ; презирала мѣлочныя остроты, блестящія выраженія обыкновенныхъ мыслей. Отличительнымъ свойствомъ ея краснорѣчія были: точность, приличіе, опредѣленность и сила.

„Однако при такой твердости и рѣдкой основательности разсудка она не была безчувственною къ прелестямъ воображенія. Красоты Поезіи и Краснорѣчія всегда трогали ее; слухъ ея любилъ піитическую гармонію. Она знала наизусть лучшіе стихи и терпѣть не могла посредственныхъ. Предъ Невтономъ она имѣла то преимущество, что съ глубокомысліемъ философскимъ соединяла живѣйшій и утонченнѣйшій вкусъ и любовь къ изящнымъ наукамъ. Между толикими занятіями, кои трудолюбивѣйшій ученый едва ли бы могъ пред-

принять — кто подумаетъ, чтобы ей оставалось время не только исполнять всѣ обязанности общества, но даже вкушать всѣ удовольствія онаго? Она, совершенно посвятивъ себя большому свѣту и наукамъ, любила все то, что занимаетъ общество, изключая злословія; никто не слыхалъ, чтобы она опорочивала въ другомъ какую нибудь погрѣшность; даже она и не имѣла времени и желанія примѣчать за симъ; когда ей сказывали, что такія-то особы не отдавали ей должной справедливости: то она отвѣчала: я объ этомъ не хочу знать. Однажды показали ей ругательное на щетъ ея сочиненіе, въ коемъ Авторъ, не имѣя случая ее знать, осмѣлился ее порочить. Она сказала, что ежели писатель потерялъ время на сочиненіе такихъ пустяковъ: то она не хочетъ тратить его на чтеніе оныхъ. На другой день узнавши, что его посадили въ тюрьму, она, безъ его вѣдома, ходатайствовала объ немъ.

„При Дворѣ Французскомъ объ ней столько жалѣли, сколько можно о комъ нибудь сожалѣть тамъ, гдѣ для личныхъ выгодъ забываютъ все прочее. Память ея была драгоцѣнна для тѣхъ друзей ея, кои имѣли случай узнать обширность ея разума и величіе ея души.

„Оплакивая жребій ея, можно сказать объ ней: *Ея дарованія погубили ее.*

„Она задолго предчувствовала приближеніе смерти своей; съ сего времени она старалась только употреблять остатокъ дней своихъ на окончаніе своихъ дѣлъ и на изпорженіе у смерти того, что почитала она лучшею частію самой себя. Безпрестанные труды накочецъ ускорили смерть ея. Она чувствовала приближеніе конца своего — и по удивительному смѣшенію чувствъ, кои, казалось, сражались между собою, сожалѣя о жизни, она безпрепятно ожидала смерти; горесть о вѣчной

разлукѣ потрясала ея душу, и Философія, которою была наполнена сія душа, вооружила ее мужествомъ. Человѣкъ, съ прискорбіемъ изторгающійся изъ нѣдръ своего семейства, его оплакивающаго, и спокойно дѣлающій приуготовленія къ долговременному путешествію, можетъ быть только слабымъ изображеніемъ ея скорби и твердости, такъ что свидѣтели послѣднихъ ея минутъ, судя по собственному своему огорченію о ея соболѣзнованіи, сугубо чувствовали свою потерю, и удивлялись твердости ея духа, который соединялъ съ толико трогательнымъ сожалѣніемъ столь непоколебимое постоянство. Она умерла въ Люневилѣ, 1749 года, на 43 году отъ своего рожденія. Первое изданное Гжею. Шателе сочиненіе есть: *Основанія Физики.* Она посвятила сію книгу своему сыну. Предисловіе къ оной есть образцовое произведеніе ума и краснорѣчія. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ благоразуміи, съ какимъ она говоритъ своему сыну,

мы здѣсь приведемъ въ доказательство одно мѣсто изъ сего ея произведенія.

„Я всегда полагала въ умѣ своемъ, что священная обязанность людей состоитъ въ томъ, чтобы дѣтямъ своимъ дать воспитаніе, которое не заставило бы ихъ въ зрѣломъ возрастѣ сожалѣть о молодости своей — единственномъ времени нашего образованія и ученія. Ты, любезный сынъ мой, находишься теперь въ тѣхъ щастливыхъ лѣтахъ, когда умъ начинаетъ разсуждать, и когда сердце не возмущается сильными страстями.

„Это время, можетъ быть, единственное въ твоей жизни — его ты долженъ посвятить изученію природы. Скоро страсти и удовольствія твоего возраста похитятъ всѣ твои минуты; а когда пылкость юности охладѣетъ, и когда ты заплатишь свѣтскимъ удовольствіямъ дань твоихъ лѣтъ и твоего званія — тогда тщеславіе возобладаетъ твоею душей; и если въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, въ

коихъ часто мы удаляемся отъ правилъ благоразумія, ты захочешь упражняться въ изученіи истинныхъ познаній — тогда умъ твой, лишенный той гибкости, которая свойственна юности, долженъ будетъ пріобрѣтать неусыпными трудами то, чему теперь ты очень легко можешь научиться. И такъ, я хочу употребить въ твою пользу развѣтъ твоего ума и всячески стараться тебя предостерегать отъ невѣдѣнія, которое, къ нещастію, весьма свойственно людямъ твоего сана, и бываетъ всегда сопряжено съ умноженіемъ порока и съ уменьшеніемъ достоинства.

„Надобно заблаговременно приучать свой разумъ къ размышленію и тѣмъ самымъ удовлетворить благородной склонности своей. Во всякое время жизни своей ты можешь испытать, какое пособіе и какое утѣшеніе доставляютъ науки — ты узнаешь, что онѣ даже могутъ служить намъ удовольствіемъ и радостію.“

Послѣ *основаній Физики* Гжа дю Шателе выдала въ свѣтъ переводъ

Математическихъ началъ естественной Философіи Невтона. О семъ ученомъ сочиненіи намъ ничего не льзя сказать здѣсь подробно.

И. Р.

МАРІЯ ТЕРЕЗІЯ.

Марія Терезія, Императрица, Королева Венгерская и Богемская, родилась 13 Мая, 1717 года, отъ Императора Карла VI и отъ Елисаветы Христины Брауншвейгъ-Волфенбиттельской. Императоръ, лишась Ерцъ-Герцога Леопольда, единственнаго сына своего, назначилъ съ согласія прочихъ Европейскихъ Державъ старшую дочь свою, Марію Терезію, наслѣдницею обширныхъ владѣній своихъ. Въ 1713 году онъ издалъ славное Прагматическое уложеніе, по силѣ коего, въ случаѣ, когда не будетъ дѣтей мужескаго полу, наслѣдство его должно достаться старшей дочери. Онъ занимался симъ важнымъ разпоряже-

ніемъ около 30 лѣтъ, которое утвердили почти всѣ Европейскіе Государи. Марія Терезія, вступивъ въ супружество 12 Февраля 1736 года съ Францискомъ Стефаномъ, Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ, взошла на престолъ послѣ смерти Карла VI, воспослѣдовавшей 20 Октября, 1740 года. Случившіяся послѣ смерти его произшествія вскорѣ открыли, что Принцъ Евгеній справедливо сказалъ, что войско, состоящее изо ста тысячъ солдатъ, скорѣе утвердилобъ Прагматическое уложеніе, нежели сто тысячъ тракатовъ. Европа была наполнена манифестами, — предзнаменованіемъ бури, возставшей противъ сей Императрицы. Прускій Король неожиданно вступилъ въ Силезію съ великою арміею; по одержаніи побѣды при Молвицѣ и Чаславѣ, принудилъ Марію Терезію уступить ему почти всю Силезію и къ симъ завоеваніямъ присовокупилъ Моравію. Съ другой стороны Герцогъ Баварскій, Карлъ Альбертъ, желая получить корону Богем-

скую и Имперію, просилъ потому и у Короля Французскаго; первыя усилія Карла Альберта имѣли весьма хорошій успѣхъ. Онъ былъ коронованъ въ Линцѣ Ерцъ-Герцогомъ Австрійскимъ, въ Прагѣ Королемъ Богемскимъ, и Императоромъ, подъ именемъ Карла VII., во Франкфуртѣ, 1742 года. Тогда Марія обращается съ просьбою къ Венгерцамъ, собираетъ всѣ чины Государства, приходитъ къ нимъ, держа на рукахъ малолѣтнаго сына своего, и говоритъ имъ на Латинскомъ языкѣ сіи слова: „Оставленная друзьями, гонимая врагами, преслѣдуемая самыми ближними родственниками, я ожидаю помощи только отъ вашей вѣрности, мужества и постоянства: вручаю вамъ дочь и сына, вашихъ Государей, ожидающихъ отъ васъ своего спасенія.“ При семъ зрѣлищѣ и при сихъ словахъ, Венгерцы, сей храбрый и смѣлый народъ, который за двѣсти лѣтъ непрестанно старался о своемъ избавленіи

отъ Австрійскаго Дома, перемѣнили свое отвращеніе въ самое усерднѣйшее признаніе, обнаживъ мечи свои, единогласно воскликнули: умремъ за Царя нашего Марію Терезію (Moriamur pro Rege nostro, Maria Teresia). Казалось, что Домъ Австрійскій погребенъ былъ въ гробницѣ послѣдняго Императора своего; едва оставался одинъ городъ у Маріи-Терезіи, гдѣ разрѣшилась она отъ бремени, какъ она о семъ писала, будучи беременна, къ Герцогинѣ Лотарингской, своей мачихѣ, находясь въ глубокой печали; но тутъ прекратились всѣ ея нещастія. Народы, до тѣхъ поръ неизвѣстные, выходятъ съ береговъ Дравы и Савы, и соединяются съ Венгерцами. Храбрый ихъ духъ, странные обычаи, страшный видъ впечатлѣны еще въ памяти ихъ непріятелей вмѣстѣ съ воспоминаніемъ ихъ подвиговъ. Кевенгуллеръ предводительствуетъ войскомъ и возвращаетъ Австрію. Линцъ, Пассау, Минхенъ отворяютъ врата

Австрійцамъ; Марія-Терезія вступаетъ въ союзъ съ Англіею, которая снабжаетъ ее деньгами и войскомъ; старается убѣдить Короля Сардинскаго и отвлекаетъ Короля Прускаго отъ заговора, уступивъ ему 11 Іюня 1742 года почти всю Силезію и Графство Глацъ.

Марія-Терезія восходитъ въ Прагѣ на престолъ Богемской 11 Мая, 1743 года; шестнадцать тысячь Англичанъ, соединясь съ Ганноверцами и Гессенцами, идутъ къ Франкфурту. Георгъ II и его сынъ, Герцогъ Кумберландскій, отправляются въ лагерь. Сраженіе при Ешпингенѣ начинается 27го Іюня 1743 года; войско Маріи Терезіи одерживаетъ побѣду, и Курфирстъ Баварскій лишился всей надежды обладать Имперіею. Король Сардинскій, которому отданы были во владѣніе Павезанъ и Вигеванаскъ, вооружился для защищенія Королевы Венгерской. Оружіе его всегда было побѣдоносно, и доставило Австрій

скому Дому такія выгоды, кои вознаградили принесенную ему жертву. Трактатъ Бреславскій на короткое время удержалъ Прускаго Короля отъ его предпріятій. Онъ сдѣлалъ новое нападеніе на Богемію въ 1744 году, между тѣмъ какъ Курфирстъ Саксонской заключилъ въ Варшавѣ мирный договоръ съ Маріею-Терезіею. Война была перенесена въ Нидерланды. Почти всѣ города отворяли врата побѣдоносному оружію Карла XV. Поля Фонтенайскія, Рокскія, Лауфельдскія были обагрены кровію побѣдителей и побѣжденныхъ. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ Марія-Терезія имѣла утѣшеніе возложить Императорскую корону на главу своего супруга 4 го Октября 1745 года; церемонія происходила во Франкфуртѣ такъ, какъ бы въ мирное время. Между тѣмъ временемъ Прускій Король получалъ новыя выгоды въ Фридбергѣ и Прандизѣ. Она опять освободилась отъ сего непріятеля трактатомъ Дрезденскимъ 25 Декабря тогожъ года. Наконецъ по осьми-

дѣтней войнѣ всеобщій миръ былъ заключенъ трактатомъ Ахенскимъ, которой подтвержденъ былъ 19го Октября, 1746 года, и утѣшенная Марія-Терезія получила все то, чего она требовала. Тогда она употребила всѣ старанія, дабы загладить причиненныя войною нещастія и привести свои области въ цвѣтущее состояніе. По примѣру Фридерика, она хотѣла оставить великое число войскъ, которыя были обучаемы новой воинской дисциплинѣ; приказала построить въ городахъ казармы для гарнизона, завести военныя Академіи въ Вѣнѣ, Нейштадѣ и Антверпенѣ; науки были оживлены и коммерція получила новыя силы. Всѣ народы имѣли свободной входъ въ гавани Тріестъ и Фіумъ; Ливорнъ распространилъ свою торговлю въ Леванстѣ и Восточной Индіи. Въ гавань Остенде входили корабли, нагруженные продуктами Венгріи. Чрезъ открытые Нидерландскіе каналы привозимы были богатства изъ Вос-

точной и Западной Индіи. Вѣна распространилась и стала красивѣе. Суконныя, фарфоровыя, стеклянныя, шелковыя мануфактуры размножались въ обширныхъ ея предмѣстіяхъ. Она основала училище для живописи и архитектуры. Великолѣпныя обсерваторіи возвышались въ Вѣнѣ, Грецѣ и Тирано, были обогащены телескопами, открывшими Нелламъ, Башовичамъ и Галлеямъ міры, удаленные отъ простаго зрѣнія. Она распространила материнское свое попеченіе о всѣхъ званіяхъ своихъ подданныхъ. Раненые, старые и дряхлые солдаты получали отъ нее какъ духовную, такъ и тѣлесную помощь въ чистыхъ и спокойныхъ больницахъ. Офицерскія вдовы, благородныя дѣвицы и проч. нашли себѣ прибѣжище въ разныхъ мѣстахъ, учрежденныхъ человѣколюбіемъ и благочестіемъ. Никогда владѣнія Австрійскаго Дома не видали столь ясныхъ и счастливыхъ дней, особливо когда Франція, будучи долгое время его соперницею, заключила съ нимъ союзъ и

Мая 1755 года. Но сія щастливая тишина была возмущена нечаяннымъ нападеніемъ, которое Пруской Король учинилъ на Саксонію въ Октябрѣ мѣсяцѣ тогожъ года. Онъ шелъ къ Богеміи; Бровнъ удержалъ его, давши ему сраженіе при Лаузицѣ, гдѣ они оба приписали себѣ побѣду. По веснѣ въ 1757 году Фридерикъ показывается на холмахъ Пражскихъ, предводительствуя арміею, состоявшею изо ста тысячь солдатъ. Сраженіе начинается при стѣнахъ сего столичнаго города. Бровнъ, будучи раненъ, принужденъ отступить и удалиться въ городъ; побѣдитель осаждаетъ его и бросаетъ бомбы. Даунъ приходитъ, отбиваетъ и опрокидываетъ Прусаковъ въ Хотузицѣ, отходитъ отъ осаждаемаго мѣста съ войскомъ, и спасаетъ Богемію, побѣдивъ непріятеля, и возвращаетъ войску мужество и ту надежду, которой повидимому оно лишалось, видя славу побѣдъ Фридериковыхъ. По случаю сей побѣды, Марія-Терезія установила военный орденъ сво-

его имени 18 Іюня, 1757 года. Сія война была кровопролитна; никогда не происходило столько сраженій; Австрійцы имѣли успѣхъ и надежду, впрочемъ они столькожъ оставались побѣдителями, сколько и побѣжденными. Они одержали верхъ надъ непріятелями при Гохкирхенѣ, Кунерсдорфѣ, Маконѣ, Ландсгутѣ и Сиплацѣ. Принцъ Карлъ завладѣлъ Бреславлемъ, Надасти Швейдницомъ, Гаддикъ и Ласци Берлиномъ. Но всего удивительнѣе походъ Лаудона противъ Швейдница. Онъ взялъ сей городъ ночью 1 Октября 1761 года, вмѣстѣ съ многочисленнымъ гарнизономъ, страшною артиллеріею и безчисленными магазинами. Оружіе Маріи-Терезіи, по видимому, только претерпѣло знатный уронъ во время сей войны при Лиссѣ. Послѣ сего взятъ былъ городъ Бреславль съ 17 тысячами Австрійцевъ. Наконецъ трактатъ Губертсбургской, заключенный 15 Февраля, 1763 года, возставилъ въ прежнее состояніе Германію. Выгода отъ онаго для Маріи-Терезіи была

только
избранъ
въ 176
хитила
ена 17
никогда
да тол
лась,
обители
обязаны
коеніи
пруга.
свидѣт
орошал
бывшаг
и помо
ѣдѣлала
екимъ
о раз
тракт
Черм
ся сто
порыя
ція; бе
ставля
щеніе

только та, что Іосифъ, сынъ ея, избранъ былъ Римскимъ Императоромъ въ 1764 году. Нечаянная смерть похитила у ней Франциска I, 18 Августа 1765 года. Съ сей минуты она никогда не оставляла траура, и тогда только въ горести своей утѣшалась, когда основала въ Инспрукѣ обитель для монахинь, которыя обязаны были молиться о упокоеніи души дражайшаго ея супруга. Вѣна была всякой мѣсяцъ свидѣтельницею ея слезъ, коими она орошала гробницу сего Государя, бывшаго чрезъ 30 лѣтъ подпорою ея и помощникомъ; въ 1772 году она сдѣлала договоръ съ Королемъ Прускимъ и Императрицею Россійскою о раздѣленіи Польши. По сему трактату досталась ей почти вся Чермная Россія; Лембергъ сдѣлался столицею сихъ новыхъ областей, которыя назывались Лодомирія и Галиція; богатыя соляныя копи Велижа составляли часть оной. Такое приобрѣтеніе произвело много разсужденій;

одинъ славный писатель почиталъ оное за одно только принужденное подражаніе того, что сдѣлали два сосѣдственные Государя. По смерти Максимиліана Іосифа, Курфирста Баварскаго, воспослѣдовавшей въ 1777 году, война опять возгорѣлась между Пруссіею и Австріею; однако она была прекращена Тешенскимъ миромъ 13 Мая 1779 года, въ силу коего умножены Австрійскія земли нѣкоторою частію Баваріи. По долговременномъ и шастливомъ царствованіи, Марія-Терезія ожидала съ твердымъ духомъ приближающагося конца ея жизни. Смерть ея достойна была Христіянскаго Героя, оставляющаго жизнь безъ сѣтованія и величіе земное безъ скорби. Она скончалась въ Вѣнѣ 29 Ноября 1780 года, на 63 году, утѣшившись тѣмъ, что оставила дѣтей своихъ или на престолѣ, или близъ онаго: Антуанетта царствовала во Франціи, Шарлотта была Королевою Неаполитанскою, Марія-Амалія была соединена съ Герцогомъ Пармскимъ; Іо-

сифъ II получилъ въ наслѣдство всѣ Австрійскія земли; Леопольдъ былъ Герцогомъ Тосканскимъ; Фердинандъ правительствовалъ въ Ломбардіи; Максимиліанъ имѣлъ главное надзираніе надъ Нѣмецкимъ Орденомъ, былъ намѣстникомъ Курфирста Кельнскаго и Епископа Минстерскаго, наконецъ Марія-Христина, супруга Герцога Саксо-Тешенскаго, правительствовала въ Нидерландахъ. Такою славою былъ облеченъ Домъ Австрійскій, когда Марія-Терезія снизшла во гробъ; заслуживъ прекрасное имя матери отечества. Кромѣ словъ, произнесенныхъ ею за нѣсколько часовъ до своей смерти, никогда не останутся въ забвеніи также и сіи: „Если учинено было что нибудь достойное порицанія во время моего царствованія: то оное сдѣлано было безъ моего вѣдома; ибо я всегда стремилась къ добру.“ „Состояніе, въ которомъ я нахожусь, сказала она Августѣйшему своему сыну, есть камень преткновенія величе-

ству и силѣ: все исчезаетъ въ сіи минуты. Спокойство, въ какомъ я теперь нахожусь, происходитъ отъ Того, Которому извѣстна непорочность моихъ намѣреній. Во время труднаго сорокалѣтняго царствованія своего я любила истину и искала оной; можетъ быть, я обманулась въ моемъ выборѣ; можетъ быть, намѣренія мои были худо поняты, а исполнены еще хуже. Но Тотъ, Который все знаетъ, видѣлъ глубину моего сердца. Спокойствіе, коимъ я теперь наслаждаюсь, есть первая благость Его милосердія; что заставляетъ меня надѣяться получить другія. Никогда сердце мое не закрывала я отъ вопля нещастныхъ, и сію-то самую утѣшительную мысль имѣю въ послѣднія сіи минуты."

Марія Терезія на 14 году своего возраста была допущена въ совѣтъ своимъ родителемъ Карломъ VI. Какъ она безпрестанно просила его о прощеніи виновныхъ: я вижу ясно, сказалъ ей нѣкогда Императоръ, что ты хочешь быть Государынею только

для того, чтобы дѣлать добро. — „Нѣтъ другаго средства, отвѣчала она, къ легчайшему перенесенію тяжести короны.“ Въ ея царствованіе, дня не проходило безъ того, чтобъ она не оказала кому нибудь благодѣянія. Примѣтивъ больнаго солдата, который отправлялъ свою должность подлѣ воротъ одного изъ увеселительныхъ домовъ ея, она приказала его взять и отвезти въ коляскѣ въ гошпиталь. Ей сказано было, что болѣзнь сего молодаго человѣка происходила отъ бѣдности и разлуки съ матерью, которую онъ не могъ болѣе прокормить трудами своихъ рукъ. Она послала за сею женщиной въ Бриннъ, что въ Моравіи, отстоящій на 40 миль, дабы отдать ей назадъ сына. „Я весьма рада, сказала ей Марія-Терезія, что имѣю сама случай возвратить тебѣ сына, столь нѣжно тебя любящаго. Я опредѣляю тебѣ пенсію, чтобы тѣмъ замѣнить его работу, и прошу васъ обоихъ всегда сохранять сію любовь

взаимную. Вотъ мое увеселеніе, говорила она.“ Добрая женщина, когда услышала изъ устъ Императрицы сіи слова, была столь восхищена, что не могла удержаться, чтобъ не произнесши сихъ словъ: я имѣю у себя только сего сына, котораго вы мнѣ возвращаете, и хотя я его люблю больше моей жизни; однако готова пожертвовать его жизнію для услугъ Вашего Величества. . . Къ Маріи-Терезіи всякъ имѣлъ доступъ; ибо она уважала въ своихъ подданныхъ одно только доброе сердце. „Я бѣдной крестьянинъ, говорилъ одинъ земледѣлецъ Богемскій; но стану говорить какъ Господинъ съ доброю нашею Государынею.“ — Императрица, нѣкогда въѣзжая въ свои дворецъ, примѣтила женщину и двухъ дѣтей на рукахъ ея. Голодъ принудилъ ихъ оставить свою хижину. „Что я сдѣлала предъ Богомъ, вскричала она, что вижу такое нещастіе моими глазами!“ Марія-Терезія увѣрила ее, что скоро подадутъ ей помощь въ ея зло-

частіи, и въ тужъ самую минуту приказавъ принесть для нихъ свой обѣдъ, она питается однѣми только слезами, которыя проливаетъ, не будучи въ состояніи сама ѣсть. „Ето мои дѣти, говорила она; они уже болѣе не будутъ принуждены по-міру ходить. — Я весьма сожалѣю, говорила она, о времени, проведенномъ во снѣ; ибо я его похищаю у моего народа. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ смерти Франциска, дражайшаго своего супруга, она приказала себѣ сдѣлать гробъ, и тайно сама сшила своими руками похоронное платье, въ которомъ она и положена была. Сочинитель анекдотовъ Фридерика Великаго описываетъ почти такимъ образомъ Марію-Терезію: „она была самая величайшая Государыня и самая любезнѣйшая женщина своего вѣка. Разумъ ея столько же былъ превосходенъ, сколько и сердце. Просвѣщая природа ее образовала; а искусство и воспитаніе не имѣли въ ономъ участія. Она поступала совсѣмъ

отлично отъ другихъ. Хотя не училась никогда по правиламъ языкамъ; однако тонкой ея умъ и великая проницательность разсудка всегда воодушевляли ея слово. Ея видъ — одинъ изъ самыхъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ — являлъ благость и истину въ душѣ ея. Она совсѣмъ не знала употребленія сихъ словъ, коими нѣкоторые Государи или забавляли тщеславіе людей, или питали ихъ надежды. Она слушала всякаго, не приготовляясь въ кабинетѣ съ своими Министрами, чтобъ сдѣлать блестящій отвѣтъ. Она всегда заимствовала оный изъ обращаемой къ ней рѣчи, которая занимала все ея вниманіе.

„Она была всегдашняя непріятельница хитрой придворной политики, и никогда не питала пустою надеждой: или дѣлала справедливой отказъ, или въ скоромъ времени оказывала милость. Справедливо одинъ славной писатель говоритъ объ ней: „Маркъ-Аврелій былъ нѣкогда примѣ-

ромъ Государей, и писалъ объ ихъ обязанностяхъ; а Марія Терезія исполнила предъ глазами нашими все то, что писалъ Маркъ-Аврелій. Предъ Маркомъ-Авреліемъ она имѣетъ еще и то преимущество, что поражена будучи истиною Христіанской Религіи, она ввела почитаніе оной въ свою Имперію и исполняла всѣ предписанныя ею должности.

МАРКИЗА ПОМПАДУРЪ.

Іоанна Антуанетта Буассонъ, Маркиза де Помпадуръ, при Лудовикѣ XV заступила мѣсто Гжи. де Шатору.

Она была дочь работницы и крестьянина, который доставлялъ хлѣбъ откупщикамъ свѣстныхъ припасовъ; осужденъ будучи къ наказанію за одинъ проступокъ свой, онъ убѣжалъ. Его дочь выдали за-мужъ за помощника арендатора Нормана, владѣльца Етіольскаго, племянника главнаго от-

купщика, Гна. Нормана Турнегемъ, который сдѣлался коротко знакомымъ съ ея матерью. Дочь, будучи весьма хорошо воспитана, при отличныхъ дарованіяхъ своихъ, была умна, любезна, ловка и добросердечна.

Вольтеръ говоритъ: „я былъ повѣреннымъ въ ея любви. Она мнѣ призналась, что имѣла тайное предчувствіе, что Король ее полюбитъ, и она сама почувствуетъ къ нему сильную привязанность. Такая мысль, могущая показаться несбыточною въ ея состояніи, основывалась на томъ, что ее часто возили въ Анарской лѣсъ тогда, когда Король забавлялся тамъ охотою."

У любовника ея матери по близости находился деревенскій домикъ.

Дѣвица Дешіоль каталась въ прекрасной коляскѣ; Король ее замѣтилъ и часто присылалъ ей дичины; мать непрестанно ей твердила, что она гораздо лучше Гжи. Шатору, а добрый Турнегемъ часто восклицалъ: „надобно признаться, что дочь Г. Бу-

асонъ есть Королевскій кусочикъ!“ ихъ честолюбіе вскорѣ было удовлетворено.

Людовикъ XV дѣйствительно въ нее влюбился, и она, вскорѣ сдѣлана будучи, въ 1745 году, Маркизою де Помпадуръ, снискала себѣ большое довѣріе, которое употребляла для покровительствованія изящнымъ наукамъ и искусствамъ, коими занималась она въ молодости своей.

Она собрала себѣ превосходный кабинетъ рѣдкостей, картинную галлерею и библіотеку. Когда уже красота ея увяла, тогда она болѣе прежняго возъимѣла силы: не могши болѣе быть любовницею Короля, она стала играть ролю перваго Министра.

Маркиза де Помпадуръ умерла въ Парижѣ въ 1767 году, 44 лѣтъ отъ рожденія, въ совершенномъ упованіи на Бога; чего не льзя было ожидать отъ женщины, по наружности столь щастливой и честолюбивой.

Изъ *писемъ* ея, составляющихъ нѣсколько томовъ, мы здѣсь предела-

вимъ въ образецъ только два, весьма замѣчательныя, изъ коихъ одно писано ею къ дочери, а второе къ одному другу ея:

1.

Я получила касательно васъ такое письмо, которое меня огорчило. Ко мнѣ пишутъ, что вы поступаете высокомѣрно и гордо съ своими подругами, и что вы очень своенравны. За чѣмъ оскорбляете сердце матери своей? Для чего ее приводите въ горестную для нее необходимость жаловаться на васъ? Я столько разъ совѣтовала вамъ быть кроткою, ласковою и скромной: ибо сіе единственное есть средство угодить и Богу и людямъ.

Не уже ли вы такъ скоро забыли мои наставленія? Не уже ли вы хотите заставить мать свою стыдиться поступковъ вашихъ? Я надѣюсь, что

вы изъ уваженія ко мнѣ и къ себѣ самимъ перемѣните свои поступки. Оставьте высокомѣріе: оно неприлично никому, а еще менѣе всѣхъ — вамъ. Ежели я васъ воспитала такъ какъ Принцессу: то помните, что вы весьма далеки отъ того, чтобы дѣйствительно быть Принцессою. То самое счастіе, которое меня возвысило, можетъ перемѣниться, и сдѣлать меня нещастнѣйшею въ свѣтѣ женщиной. Тогда вы будете тоже, что и я — то есть, ничто. Прощайте, любезная дочь! вы знаете, что я дышу единственно для васъ. Если вы обѣщаетесь исправиться: я васъ прощаю и обнимаю.

2.

Вы весьма щастливый посланникъ; потому что всегда присылаете къ намъ хорошія извѣстія. Меня плѣняютъ ваши Голландцы; они напрямикъ отказали дать шесть тысячь войска, ко-

морыхъ отъ нихъ требовали. Сіе рѣшеніе ихъ благоразумно и весьма полезно. Между тѣмъ, можно подумать, что въ семъ дѣлѣ не льзя было бы ожидать столь скораго успѣха, если бы живъ былъ престарѣлый Шпангаліеръ. Судя по его расположенію мыслей, онъ Англичанинъ; кромѣ сего былъ женатъ на Англичанкѣ; и великая сила, какую дала ему послѣдняя перемѣна Государства, была бы для насъ опасна. Однако онъ уже умеръ; сынъ его малолѣтенъ; а Голландцы занимаются своими разсчетами. Я весьма радуюсь, предвидя отъ того какъ ихъ, такъ и собственныя свои выгоды.

Швейцарцы получили повелѣніе быть въ готовности къ походу въ Германію — они на сіе ропщутъ. Странное дѣло, что они всегда употребляютъ происки, когда надобно переходить за Рейнъ. Послѣдній Король приучилъ ихъ к тому; однако они не помнятъ его наставленій. Впрочемъ они за хорошую службу свою всегда получаютъ хорошую награду. Г. Ноэль

говаривалъ, что они, находясь во Французской службѣ, болѣе получили луидоровъ, нежели сколько пролили каплей крови. Ваше Сіятельство, будучи родомъ изъ Швейцаріи, конечно сему не повѣрите; однако посовѣтуйте своимъ соотечественникамъ поступать благоразумнѣе. Безъ сомнѣнія, вы столько же будете имѣть надъ ними власти, сколько и надъ Голландцами.

Купленныя вами для меня картины превосходной работы, а особливо Павелъ Веронскій. Король по справедливости первый удивлялся онымъ, а послѣ него и всѣ, ихъ видѣвшіе. Но какимъ образомъ сіи произведенія художествъ зашли въ Голландію, и продаваемы были тамъ какъ шелковые товары? Я благодарю васъ за сіе стараніе, и прошу его впредь меня продолжать.

Вы хотѣли бы — говорите — побывать во Франціи для поправленія дѣлъ своихъ. Король охотно бы вамъ

сіе позволилъ; но онъ думаетъ, что сія отлучка ваша несообразна съ настоящимъ положеніемъ Государственныхъ дѣлъ. Потерпите немного — будьте увѣрены, что я не премину, при первомъ благопріятномъ случаѣ, доставить вамъ сіе удовольствіе.

Скажите, какъ вы проводите время съ своими Голландцами? Умѣютъ ли они жить весело? Способны ли смѣяться, забавляться и забывать, хотя на нѣсколько минутъ, о своихъ прибыткахъ? Я думаю, что въ сей землѣ жизнь должна быть очень скучна; вотъ что меня касательно васъ безпокоитъ! Но я знаю, что вы предпочитаете дѣла свои забавамъ.

АННА ЛУИЗА КАРШИНЪ.

Анна Луиза Каршинъ родилась въ 1722 году на границахъ Нижней Силезіи, въ мѣстечкѣ Гаммерѣ. Отецъ ея, пивоваръ и трактирщикъ, былъ важнѣйшимъ человѣкомъ изъ семи жителей сего мѣстечка. Можно думать, что она была бы потерянною для Музъ, еслибъ двоюродный дѣдъ ея по матери, старикъ умный, не взялъ ее къ себѣ, на седьмомъ году, спустя нѣсколько времени послѣ смерти отца ея. Онъ поѣхалъ съ нею въ Польшу; научилъ ее читать и писать. Слѣдующая піеса относится къ сему почтенному дѣду; Каршинъ писала Нѣмецкими стихами:

„Востаньте изъ праха, о кости, почивающія въ спранѣ моего дѣтства! откройте глаза свои, любезный сердцу моему старецъ! и вы уста, съ коихъ я питалась медомъ мудрости, разтворитесь еще для бѣсѣдованія со мною!

„Тѣнь лучезарная! съ высоты Олимпа воззри на меня! Я уже не

пасу стада въ долинѣ! Склони взоры свои на просвѣщенныхъ смертныхъ: они повторяютъ пѣсни твоей внуки. Послушай разговоровъ ихъ: они воздаютъ хвалы тебѣ!

„Да цвѣтутъ вѣчно густыя липы сіи! подъ тѣнью ихъ я покоилась на твоей шеѣ, какъ милое дитя на груди нѣжнѣйшаго отца, когда какъ ты, сидя на дерновомъ канапе, покоился отъ дневной усталости, подобно земледѣльцу, ищущему отдохновенія послѣ работы.

„Подъ сими зелеными кровомъ я повторяла тебѣ гимны Богу боговъ. Такъ, я повторяла тебѣ цѣлыя мѣста, не разумѣя ихъ, изъ книги, столь уважаемой Христіанами! и ты, мужъ благочестивый, разумѣлъ меня.

„Съ важностію людей, облеченныхъ въ черную одежду, которые восходятъ проповѣдывать на каѳедру истины, ты указывалъ мнѣ пути самые вѣрные къ достиженію спасенія. Когда ты гово-

рилъ мнѣ о паденіи перваго человѣка и о прощеніи его, я впивала въ душу слова, изтекавшія изъ устъ твоихъ.

„О ты, щастливый житель сферы небесной! воззри на слезы, текущія по ланитамъ моимъ, на сихъ безмолвныхъ изполкователей радости моей. Если ты хощешь говорить, тѣнь любезная, то отвѣчай мнѣ: могло ли когда сердце твое предчувствовать щастіе жизни моей?

„Предвидѣлъ ли ты мою славу, когда всякой день находилъ меня читающую мудрыя сочиненія; когда я скрывала простый полевый цвѣтокъ, который подносила тебѣ слабыми руками, и которымъ вѣнчала твою главу, рѣзвясь и прыгая передъ тобою?

„Да сіяетъ чело твое пройственнымъ вѣнцемъ святости! да будешь ты удостоенъ взоровъ Божества въ ликѣ православныхъ душъ, тебя окружающихъ! да упоишъ тебя Океанъ небеснаго блаженства,

въ награду за капли, почерпаемыя мною на земли изъ чаши радости!"

Каршинь была еще по десятому году, когда испытала первыя нещастія, и почти до сорока лѣтъ онѣ, казалось, собирались надъ нею. Сперва надлежало ей возвратиться къ матери, и ходить за дѣтьми своего зятя. Въ то же время, сверхъ заботы о дѣтяхъ, поручено ей надзираніе надъ стадами семейства. Между тѣмъ склонность ея къ Поезіи обнаруживалась. Она имѣла столь необыкновенную охоту къ стихамъ, что выучила наизусть сто разныхъ канвовъ, которые непрестанно пѣла, занимаясь домашнею работою, и пася небольшое стадо свое. Распаливъ воображеніе духомъ сихъ пѣсенъ, она пыталась произвесть что нибудь подобное — и сочинила гимнъ Богу.

Маленькое приключеніе, случившееся съ нашею пастушкой, много способствовало къ большему воспламенію ея генія. Она всегда пригоняла стадо свое на берегъ небольшой рѣки. На

другомъ берегу всегда являлся молодой Пасторъ, съ которымъ она познакомилась. Онъ ссужалъ ее книгами. Робинзонъ, Азіятская Баниза (*) и тысяча одна ночь составляли всю его библіотеку; но Каршинъ въ семъ чтеніи находила участь свою пріятнѣйшею. Ея щастіе не долго продолжалось. Скоро она принуждена была оставить овечекъ своихъ, и ходить за дѣтьми. Въ столь тягостныхъ упражненіяхъ домоводства она достигла семнадцати лѣтъ. Въ сіе время мать выдала ее за мужъ, а Каршинъ, уже сочинявшая гимны, должна была приготовлять шерсть для работы своего мужа, — и какъ ей одной надлежало имѣть все попеченіе о домѣ: то она не могла употреблять для чтенія и сочиненія другаго времени, кромѣ нѣсколькихъ часовъ по Воскреснымъ днямъ; тогда она писала все то, что воображеніе ея творило посреди работъ цѣлой недѣли.

(*) Героическій романъ, писанный надутымъ слогомъ.

По девятилѣтнемъ замужствѣ, она овдовѣла; но судьба готовила ей оковы, гораздо тягчайшія тѣхъ, отъ коихъ она освободилась. Вскорѣ послѣ того мать, выдавъ ее за мужъ въ другой разъ, погрузила въ бездну горестей большую часть ея жизни. Все, что супружество самое нещастное, что бѣдность самая ужасная ни имѣютъ мучительнаго, все то Каршинъ претерпѣвала съ новымъ супругомъ своимъ. Но природа въ столь жестокихъ обстоятельствахъ захотѣла показать превосходство власти своей противъ гоненій фортуны.

Каршинъ нечаянно нашла стихи священника Шюпемана. Въ Берлинѣ сей необыкновенный человѣкъ, въ сильной лихорадкѣ, имѣлъ по временамъ припадки безумія, въ продолженіе коихъ говорилъ онъ стихами. Хотя сіи удивительныя сочиненія не только не запечатлѣны печатью небеснаго огня Музы и не что иное были, какъ произведеніе разстроеннаго во-

ображенія; однакожъ Каршинь замѣтила въ нихъ черты, которыя еще подстрекнули ея геній.

Послѣ нѣкоторыхъ ея опытовъ, многія особы, знавшія ее въ Фрауштадтѣ, совѣтовали ей писать. Въ сокращеніи своей исторіи упоминаетъ она Ректора Рикерта и помощника его Привера, Бургомистра Грейфенгагена, Доктора Нейгебауера, священника церкви Лисской въ Верхней Польшѣ, Графа Редера, милостынераздавателя Дебеля въ Гросглогау, наконецъ всѣхъ тѣхъ, кои ободряли ее, покровительствовали піитическимъ трудамъ ея. Изъ благодарности къ благодѣтелямъ своимъ, хотѣла она, чтобъ имена ихъ находились въ ея запискахъ; и для того мы прибавимъ, что Почтъ Директоръ Керберъ былъ первымъ издателемъ ея сочиненій, и что Гальскій Профессоръ Мейеръ, коего знала она только по имени, и коему прислала изъ Польши оду, изъявилъ наиболѣе ревности къ обод-

ренію-ея и убѣжденію не прерывать ученыхъ трудовъ своихъ.

Въ 1755 году Каршинъ поселилась въ Гросглогау съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Тамъ она посѣщала одного книгопродавца, у коего съ жадностію пересматривала всѣ книги, какъ стихотворныя, такъ и прозаическія, но безъ всякаго рѣшительнаго намѣренія. Извѣстно, что она мало читала, и очень бѣгло; но если судить по ея сочиненіямъ: то можно заключить, что она была напитана чтеніемъ.

Первые однакожъ опыты ея были не что иное, какъ слабыя искры ея генія; огонь Музы ея не воспылалъ еще; побѣды Фридриха Великаго дали сему огню всю силу, и опровергли въ быстромъ стремленіи своемъ все, что могло остановить его.

Казалось, что ея воображеніе для послѣдняго усилія ожидало подвиговъ Короля Прускаго. Едва онъ выигралъ сраженіе подъ Ловозицомъ, она возгремѣла трубою героическою. Военныя пѣсни

Прускаго гренадера, нѣсколько Рамлеровыхъ одъ и стихотворенія Гжи Унцеръ привели ее въ восторгъ.

До сихъ поръ Каршинъ постоянно претерпѣвала всѣ угнѣтенія бѣдности; но судьба наконецъ захотѣла вывести ее изъ ужаснаго состоянія, которое могло бъ удручить и не столь чувствительную душу. Она имѣла щастіе познакомиться съ Барономъ Котвисомъ, Силезскимъ дворяниномъ, который въ 1760 году ѣхалъ чрезъ Гросглогау въ Пруссію. Сострадательное сердце его было тронуто жалостію; онъ рѣшился взять Каршинъ въ Берлинъ. Прибывши въ столицу сію, она вскорѣ познакомилась со многими любителями Поезіи. Тамъ геній ея обнаружился во всемъ блескѣ своемъ; вскорѣ сдѣлалась она предметомъ удивленія въ городѣ и при Дворѣ. Ея сочиненія были напечатаны по подпискѣ и продавались въ ея пользу; въ то же время дали ей пансіонъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ она писала къ мужу своему, который между тѣмъ пошелъ служить въ Прусскія войска:

„Мушкетеръ недовольный!

„Признаюсь, что жалобы твои „могли бы тронуть меня; но Твои „выраженія показываютъ гордость низ„кую и подлую. Какія нещастія по„буждаютъ тебя къ ропоту? Твои „сѣтованія есть ропотъ нещаст„ливцевъ, ожидающихъ во мра„кѣ темницъ смертнаго приговора. „Не хочешь ли ты подать мнѣ новыя „доказательства въ сихъ патріотиче„скихъ чувствованіяхъ, коими ты „такъ много превозносился? Развѣ не „знаешь, что я уже къ тому при„выкла? Для тебя честь только од„но слово, для тебя благородное со„ревнованіе, котораго она требуетъ — „дѣйствіе насильства. Скажи мнѣ, „какъ ты могъ надѣяться, чтобъ я „думала о твоемъ освобожденіи? А! „женщина, которая упрекаетъ приро„ду за то, что она не сотворила ее

„мущиною, и отказала ей въ велико-
„душномъ удовольствіи пролить кровь
„свою на службѣ Государю.

„Ахъ! для чего я не имѣю сына,
„котораго бы могла послать на сра-
„женіе! Когда бы Король мой возвра-
„тился побѣдителемъ, тогдабъ Му-
„за моя славила торжество его, я
„чувствовала бы вдвойнѣ честь и цѣ-
„ну побѣды, занимаясь тою мыслію,
„что и сынъ мой въ ней участвовалъ.
„Какъ ты осмѣлился сказать мнѣ,
„что теперешнее состояніе твое без-
„честно для меня? Напротивъ то-
„го, я утверждаю, что оно гораз-
„до славнѣе для меня прежняго со-
„стоянія твоей необузданной свободы.
„Чтобъ сказали твои Офицеры, еслибъ
„узнали о твоемъ безумномъ негодо-
„ваніи? Развѣ стыдно быть солда-
„томъ Короля Прускаго? Англичане
„завидуютъ Нѣмцамъ въ етой чести,
„а ты почитаешь ее нещастіемъ,
„обидою!

„Стыдись самого себя! вспомни,
„какъ Король сидя съ рекрутами,

„разсказывалъ имъ объ успѣхахъ „въ первыхъ своихъ кампаніяхъ. „Тамъ сидѣлъ Государь, Генералъ „и мудрецъ — предметъ удивленія „вселенной — съ тѣми людьми, кото„рыхъ рука не знала еще другаго ору„жія, кромѣ бича, понуждавшаго медлен„ныхъ быковъ, запряженныхъ въ соху. „Онъ не стыдился быть между сими „людьми; не почиталъ ихъ недостой„ными своихъ взоровъ: и такъ, тебѣ „ли презирать ихъ!

„Бѣдное твореніе! подумай, сколько „ты ниже Короля, принимающаго „на себя такія заботы, такіе тру„ды и безпокойства! можешь ли ты „равняться съ отцемъ, оставляющимъ „собственность, земледѣліе, выгоды „и пріятность жизни? Сколько почтен„ныхъ Генераловъ подвергаются лише„нію здоровья, жизни, для защиты отече„ства — и ты можешь жизнь свою цѣнить „дороже! Сколько человѣкъ — которые „вели бы щастливые дни въ нѣжныхъ „объятіяхъ милыхъ супругъ — слѣ„дуешь за знаменами! Новобрачныя

„должны вырываться изъ безцѣнныхъ
„объятій для того, чтобы идти по
„гласу трубы воинской; необходимость
„принуждаетъ къ тому: она не дѣлаетъ
„изключенія.

„Я не понимаю, какъ могла бы я
„тебѣ возвратить свободу. Меня спро-
„сятъ, какія имѣю на то причины?
„и я не могу отвѣчать по совѣсти,
„что ты надобенъ мнѣ для попеченія
„о моихъ нуждахъ или о нуждахъ дѣтей
„моихъ. Скажу ли, что не могу жить
„безъ мужа? то значило бы грѣшить
„противъ истины, и заставить дру-
„гихъ надъ собою смѣяться.

„Нѣтъ нужды [сказывать тебѣ,
„что безпокойства, на которыя жа-
„луешься ты, раздѣляютъ съ тобою
„тысячи людей. Прошу тебя оста-
„вить свои требованія; старайся луч-
„ше облегчить свое состояніе, и увѣ-
„рится, что я съ прискорбіемъ взи-
„раю на чрезмѣрную твою опрометчи-
„вость. Тебѣ не должнобъ было иг-
„рать роль изступленнаго въ продол-
„женіи почти цѣлыхъ ночей; всѣ на-

„ши сосѣди, всѣ солдаты нашего квар-
„тала слышали твои крики. Они
„достигли до слуха главныхъ жите-
„лей Гросглогавскихъ; они читали въ
„глазахъ моихъ и на челѣ свидѣтель-
„ство жестокости твоей, и заключили,
„что лучше препроводить подобнаго
„тебѣ гражданина туда, гдѣ онъ мо-
„жетъ показывать съ достоинствомъ
„храбрость свою, нежели оставить
„его драться съ женщиной безсиль-
„ною и беззащитною. Существо,
„истинно фантастически почитаемое
„тобою за мущину, есть то, кото-
„рое напивается, бьетъ и ломаетъ
„все въ домѣ своемъ, и которое позвѣ-
„щаетъ о присутствіи своемъ страш-
„нымъ шумомъ! По мнѣнію твоему,
„этотъ человѣкъ исполняетъ главныя
„и священныя обязанности супруже-
„ства, когда не насыщаетъ повсюду
„скотской страсти, и не оскверняетъ
„супружескаго ложа. Ты думаешь,
„что ему дозволено угождать всѣмъ
„своимъ склонностямъ, если только
„онъ предоставляетъ женѣ всѣ попече-

„нія о домѣ, не заботясь въ немъ ни
„о чемъ болѣе, кромѣ нее! . . . Такъ,
„ето существо, по справедливости,
„есть мущина — и нещастная жена
„его узнаетъ въ немъ мущину. . . по
„силѣ руки его!

„Я никогда не желала тебѣ зла,
„даже не показывала раны, которую
„два года назадъ тому сдѣлалъ ты
„на лѣвомъ плечѣ моемъ.

„Я не могла еще представить тебя
„друзьямъ моимъ. Я часто слыхала
„твои клятвы и обѣщанія; но ты не
„уважалъ ни тѣмъ, ни другимъ. Ко-
„гда ты ставилъ Небо въ свидѣтели
„своей искренности, я вѣрила те-
„бѣ и всегда была обмануша. Щастіе
„мое продолжалось не болѣе шести
„недѣль: ты скоро оставилъ источникъ
„его; я плакала — и слезы мои не про-
„гали сердца окаменѣлаго. Желаю со
„всею искренностію, чтобъ ты ис-
„правился и перемѣнился. Но ка-
„кой бы щастливый переворотъ ни
„сдѣлался въ тебѣ, онъ для меня ни-
„чего не будетъ значить; я не могу

„и не хочу воспользоваться имъ; хо-
„чу жить одна и спокойно до конца
„дней моихъ; и въ заключеніе скажу
„тебѣ, что будучи врагомъ рабства,
„всегда была твоимъ другомъ.“

Лафатеръ въ своей физіогноміи, говоря о Каршинъ, восклицаетъ: „Лучше не писать стиховъ, нежели походить на нее!“ Я не *физіогномистъ*, но имѣю болѣе терпимости, и не столько строгъ. И такъ! лучше походить на нее, и писать стихи. Но хотя бы и неоспоримо было все то, что можно сказать въ пользу красоты; однакожъ не менѣе справедливо, что лице ея, показывая чрезвычайное остроуміе, блистало симъ привлекательнымъ свѣтомъ, который обнаруживаетъ въ ней божественныя дарованія.

ГЖА ДЕ СЕНЪ ШАМОНЪ.

Клара Мазарелли Маркиза де ла Вьёвиль де Сенъ-Шамонъ родилась въ Парижѣ, 1731 года. Отецъ ея былъ Итальянецъ, сынъ Архитектора, а мать Парижанка. Вотъ какъ она сама описываетъ портретъ свой:

„Голова у меня хорошо приставлена къ плечамъ; я не дурна, хотя ростомъ и не высока: лице у меня круглое; темносвѣтлые, исполненные блеска и живости глаза мои не велики и не малы. Они часто болѣе говорятъ, нежели сколько хочу сказать, или что я думаю; но я смотрю сурово на то, что для меня не нравится. Брови у меня прекрасныя, носъ маленькой, нѣсколько широкой, на концѣ тупой и немного вздернутый. При всемъ томъ, онъ ко мнѣ присталь. Ротъ у меня большой, прекрасныя губы розовыя, зубы ровные и бѣлые; лобъ маленькой, волосы гладкіе темнорусы. Что жъ касается до характера моего: по его никакъ не льзя опредѣ-

литъ; ибо я попеременно бываю тиха и рѣзва, весела и печальна. — Въ щастіи я спокойна, въ нещастіи нетерпѣлива; весела съ тѣми, которые для меня нравятся, а съ другими печальна; ибо, по любви своей къ уединенію, имѣю нравъ меланхолическій. Я столько сострадательна, что нещастія другихъ для меня столь же чувствительны, какъ и собственныя свои. Я могла бы быть истиннымъ другомъ; но зная, какъ трудно найти вѣрнаго друга, ни съ кѣмъ не раздѣляю сего чувства. Когда меня кто разсердитъ, того я ужасно ненавижу и не забываю нанесенныхъ мнѣ обидъ: любила бы мстить; но Небу было угодно лишить меня и средствъ и силъ за зло воздавать зломъ. Я люблю одолжать другихъ, самажъ не терпѣлю одолжаться. — Говорятъ, что я очень люблю тщеславныхъ женщинъ; трусовъ не терплю, и первыябъ бросила въ нихъ камнемъ, еслибъ ихъ побивали каменьемъ. Дѣло идетъ о томъ, какъ сердце мое чувствительно къ че-

сти тѣхъ, которые хотѣли помрачить честь мою; я еще злословлю язвительными насмѣшками. Еслибъ душа моя была какъ лице открыта, тогдабъ всѣ сказали, что я истинно достойна уваженія. Если когда либо я желала богатствъ и знатности: то ето происходило не отъ того, чтобы я предавалась пустымъ мечтамъ, занимающимъ голову молодыхъ нашихъ шутихъ; но чтобы уменьшить число нещастныхъ по судьбѣ своей — и чтобы превыше быть нѣкоторой части ненавидимыхъ мною людей, почитающихъ себя въ правѣ презирать все, что ниже ихъ; я невѣжда съ глупыми, а свѣдуща съ просвѣщенными; ибо можно сказать, что я имѣю обо всемъ поверхностныя понятія, и немногіе въ городѣ лучше моего воспитаны. — Однимъ словомъ, мнѣ можно дать мѣсто между умными людьми, и притомъ можно дать безпрекословно; еслижъ на опрѣзъ въ етомъ мнѣ откажутъ: то, по всей справедливости, можно помѣ-

ствить въ числѣ людей, имѣющихъ тонкій вкусъ." —

Отецъ дѣвицы Мазарелли былъ изъ числа тѣхъ предпріимчивыхъ людей, кои не умѣютъ долго владѣть знатнымъ богатствомъ. Онъ расточилъ весьма большую часть онаго; но по смерти его, благоразумная и отмѣнно разчетливая супруга его, устроивъ всѣ дѣла его, могла еще жить съ дочерью своей въ довольствіи. Столь неизвѣстное состояніе не подавало дѣвицѣ Мазарелли никакой надежды къ тому блистательному браку, въ которой вступила она съ Г. де Сенъ-Шамонъ. Его любовь успѣла она снискать единственно своими достоинствами.

Въ 1763 Французская Академія Наукъ задала написать похвальное слово Сюлли. Сочиненное Гжею Сенъ-Шамонъ слово всѣ единогласно признали твореніемъ отличнымъ отъ прочихъ чувствами благороднѣйшими, возвышенными, нѣжными и трогательными.

Можно ли найти столько трогательнаго въ какомъ либо другомъ сочиненіи, какъ въ слѣдующемъ отрывкѣ, гдѣ она заставляетъ Сюлли подробно разсказывать о смерти Генриха IV?

„Уже Сюлли зритъ приближеніе того дня, въ которой Король его сдѣлается владыкою и хранителемъ народа. — Но какой возстаетъ шумъ въ его домѣ; раздается плачевный крикъ; великій Боже, всё пропало! Франція погибла! . . . Сюлли дѣлаетъ нѣсколько отрывистыхъ вопросовъ — и чтожъ узнаетъ? Великій изъ героевъ, наилучшій изъ Царей — Генрихъ умираетъ среди обожающаго его народа! Въ Парижѣ пролита кровь того, за кого бы вся Франція охотно согласилась пролить свою кровь. Сюлли слѣдуетъ по священнымъ его стопамъ, пробивается сквозь устрашенную и трепещущую толпу. Дикое безмолвіе послѣдовало за симъ смятеніемъ; на всѣхъ лицахъ изображалось страшное отчаяніе. — Нещастные Французы съ померкшими очами воздѣвали руки къ

небу — умирающимъ голосомъ умоляли его возвратить имъ Короля. — Всё кончилось — Францію постигли всѣ нещастія — злодѣйство совершено — Генрихъ болѣе не существуетъ; а Сюлли еще живъ! Французы всячески стараются о сохраненіи его жизни. — Они опасаются, чтобы сей вѣрноподданный не сдѣлался жертвою злодѣевъ, избѣгавшихъ праведнаго наказанія. Они за нимъ слѣдуютъ, останавливаютъ его — стараются уклонить его отъ предстоящей ему опасности, преграждаютъ ему всѣ пути въ Лувръ, какъ въ мѣсто для него роковое. — Для насъ пощадите себя! вопіетъ къ нему прерывающимся голосомъ народъ; десница Божія попустила столь ужасныя нещастія для того только, чтобы на насъ излить весь свой гнѣвъ. Если вы оставите насъ: мы погибли; любивши такъ отца, будьте сострадательны къ дѣтямъ его! Растроганный до глубины сердца, расперзанный симъ зрѣлищемъ Сюлли недоумѣваетъ — колеблется, сомнѣ-

ваясь: справедливъ ли страхъ народа? Но имѣя сильное желаніе еще разъ увидѣть своего Монарха, онъ спѣшитъ къ его тѣлу. Еслибъ ему должно было погибнуть: то онъ желалъ бы лучше погибнуть только на окровавленномъ тѣлѣ Короля. Онъ пробѣгаетъ Лувръ: всюду воцарилось глубокое уныніе — всюду безмолвная печаль; съ появленіемъ Сюлли она прерывается. Присутствіе любимца и друга Генрихова возобновляетъ слезы и рыданія. Напрасно Сюлли старается скрыть свои слезы; онъ боится усугубить овладѣвшій сердцами ихъ печальный ужасъ. Но мужеству положенъ свой предѣлъ — Сюлли впадаетъ въ великое отчаяніе — тутъ представляется ему для успокоенія его сердца любезный предметъ; напрасно: еще болѣе увеличиваетъ онъ печаль его! Это сынъ Генриховъ, который изъ объятій Королевы бросается въ объятія Сюлли. Съ сильнымъ волненіемъ прижимаетъ онъ его къ своему сердцу, клянется ему въ вѣчной привязанности.“ — Повѣсть Камедриль пло-

хвальное слово Декарту также творенія Гжи. Сенъ-Шамонъ. Сіи творенія, также какъ и то, изъ коего мы представляемъ здѣсь отрывокъ, исполнены правилъ, показывающихъ великую силу ея ума.

„Большая часть людей скрываетъ тщеславіе свое подъ личиною добродѣтели.“

„Неблагодарность чувствительна только для гордости; она не унижаетъ великодушія.“

„Еслибъ на свѣтѣ не было начальниковъ: то всякой бы почиталъ себя достойнымъ начальствовать надъ другими.“

„Огорченія всегда несправедливы: кто нещастливъ, тотъ всегда почитаетъ себя въ правѣ всѣхъ ненавидѣть.“

„Обычаи перемѣняютъ нравы. Честь покоряется предразсудкамъ, правосудіе силѣ, заслуга пристрастію, законы коварству.“

„Мы наслаждаемся только тѣмъ, что раздѣляемъ съ другими. Часто тотъ, кто думаетъ сыскать себѣ друзей — находитъ только неблагодарныхъ.“

„Для щастія другихъ иногда должно жертвовать своими удовольствіями. Гораздо легче воздержаться отъ извѣстнаго намъ удовольствія, нежели отъ воображаемаго.“

„На свѣтѣ ничего нѣтъ прекраснѣе счастія.“

„Самыя дѣтскія забавы съ любимыми особами бываютъ для насъ великолѣпными празднествами.“

„Въ счастіи нашемъ мы болѣе находимъ завистниковъ, нежели въ достоинствахъ.“

„Выгода, происшекающая отъ истиннаго благотворенія, есть та, что мы, употребляя на оное свое имущество, тѣмъ самымъ умножаемъ его.“

ЛАДИ МОНТЕГЮ.

Монтегю, Марія, супруга Лорда Вартлей, провождала въ Посольствѣ своего супруга въ Константинополь и по возвращеніи своемъ въ отечество въ 1722 году, ввела въ употребленіе прививаніе оспы, показавъ примѣръ онаго на дочери своей; тѣмъ самымъ сдѣлала имя свое извѣстнымъ въ Исторіи Медицины.

Она упражнялась въ Словесности и была то другомъ, то врагомъ Гна Попе. Милади, во время своей вражды съ нимъ, всячески старалась очернить его, и Попе также не уступалъ ей.

Оба они столь были неумѣренны въ порицаніяхъ своихъ, что наконецъ сдѣлались посмѣшищемъ публики.

Протекши длинное поприще жизни своей, исполненной странныхъ и романическихъ приключеній, Монтегю умерла въ 1760 году.

Милади Монтегю сочинила: I) *Письма*, писанныя ею во время путешествія, отъ 1716 до 1718 году.

Въ нихъ много находится занимательнаго и пріятнаго — множество любопытныхъ анекдотовъ, изображающихъ нравы и правленіе Турокъ.

Баронъ Тоттъ, который долго жилъ въ Константинополѣ, сильно нападалъ на ея письма; но Г. де Марсель, написавшій весьма любопытное сочиненіе объ этомъ Государствѣ, очень горячо вступился за оныя. Столь различный образъ мнѣній путешественниковъ не долженъ казаться страннымъ; ибо очень мало людей, согласныхъ въ одинаковыхъ предметахъ, кои они видѣли и изслѣдовали. II) Поема *Успѣхи Поезіи*. III) *Защищеніе Шекспира*. Чрезмѣрныя похвалы, которыя она дѣлаетъ Англійскому трагику, превосходство, которое она даетъ ему надъ Корнелемъ, и несправедливыя порицанія Расина показываютъ въ

ней болѣе національнаго энтузіазма, нежели очищеннаго вкуса.

Въ 1803 году открыто много неизданныхъ писемъ Лади Монтегю, недавно переведенныхъ на Французскій и Нѣмецкій языки.

ГЖА. ВІОТЪ.

Марія - Анна - Генріетта - Пейанъ де Летанъ родилась въ Дрезденѣ 1746 года отъ незнатныхъ родителей. На четвертомъ году своего возраста она привезена была во Францію; а на двенадцатомъ вышла за мужъ за Гна. де Рибьера - Дантремонъ, жителя Графства Венесенскаго; по смерти его, она осталась вдовою на семнадцатомъ году отъ рожденія.

Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ обнаружила она большую способность къ стихотворству и упражнялась въ немъ, не зная еще правилъ онаго; какъ скоро оживлялось пылкое ея воображеніе: то мысли у ней сами лились на бумагу.

Хотя Гжа. Дантремонъ была дурна лицемъ, но имѣла прекрасный станъ; почему она и говорила о себѣ, что природа, погрѣшивъ въ фасадѣ, при всемъ томъ произвела правильное зданіе. Желая загладить сей недостатокъ, она рѣшилась приобрѣсть обширныя познанія. Ея занятія состояли въ языкахъ: Латинскомъ, Италіянскомъ, Нѣмецкомъ, и Англинскомъ; свободное время посвящала музыкѣ, которую она очень любила. Приобрѣтенныя ею свѣдѣнія изъ чужестранныхъ писателей открыли ей духъ и красоты ихъ твореній, и побудили ее упражняться въ сочиненіяхъ, которыя назвала она *своими бездѣлками*.

Не смотря на толь скромное заглавіе сочиненій Гжи. Дантремонъ, вездѣ въ нихъ видна быстрота и сильные порывы души, одаренной рѣдкою чувствительностію. Повсюду она сохранила правильность мыслей, заимствованную изъ *опытовъ Монтаня*, къ коему она имѣла особенную привязанность.

Гжа. Дантремонъ вступила во второй бракъ съ Гмъ. де Бурдисомъ, начальникомъ города Нима, человѣкомъ уваженія достойнымъ какъ по добротѣ его сердца, такъ и по разуму. Достатокъ и щастливая жизнь позволяли Гжѣ. де Бурдисъ заниматься по ея склонности Музыкою и Словесностію. Почитая сочиненія свои маловажными, она ни мало не смутилась, когда нашла въ ежемѣсячномъ изданіи похищенные у ней стихи.

Гжа. де Бурдисъ, находясь въ кругу ученыхъ, умѣла два раза показать себя: въ первый разъ одою на *безмолвіе*, и во второй похвальнымъ словомъ Монпаню; ода на безмолвіе исполнена высокими чувствами, и уважается лучшими лирическими писателями.

Представляемъ здѣсь читательницамъ нашимъ въ переводѣ слѣдующіе стихи ея:

Шумный градъ, гдѣ съ суетою
Роскошь пышная живетъ,
Я прощаюся съ тобою —

Мнѣ въ тебѣ веселья нѣтъ!
Удалюсь подъ кровъ природы —
Тамъ жилище простоты,
Царство мирныя свободы!
Вижу тамъ тебя, какъ ты,
Сидя подъ кудрявой ивой,
Внемлешь голосу игривой
Музы тихихъ сель, простой,
Хоть не громкой, но правдивой:
Не тщета столицы лживой,
Гдѣ всѣ клятвы — звукъ пустой,
Гдѣ любовь, какъ мотылёчикъ,
Что въ весенній день кружась
Со цвѣточка на цвѣточикъ,
Всѣхъ обманываетъ васъ.
Въ городахъ лишь обожаютъ
Легкокрылую любовь —
Пусть они ее и знаютъ,
Пусть она волнуетъ кровь! —
Есть другой союзъ священный
Для чувствительныхъ сердецъ —
Дружбу, дружбу — даръ безцѣнный
Низослалъ для нихъ Творецъ!
Сердце бѣдное томится
Отъ коварныхъ стрѣлъ любви —
Сердце дружбою живится. . .
Ею, другъ мой, ты живи!
Шумный градъ, какъ мнѣ остаться
У тебя еще въ гостяхъ?
Злость и ненависть гнѣздятся
Здѣсь почти во всѣхъ сердцахъ;

Добрымъ здѣсь предпочитаютъ
Злобныхъ, алчныхъ богачей,
Счастье въ златѣ полагаютъ
И въ погибели людей.
Здѣсь любовникъ есть предатель,
А любовь — одинъ порокъ,
Роскошь всѣмъ Законодатель,
Радость — бурныхъ водъ потокъ.
Удалюсь подъ кровъ природы,
Гдѣ жилище простоты,
Гдѣ дары благой свободы;
Тамъ забывши суеты,
Мы съ тобою насладимся
Безмятежнымъ жизни днемъ —
Къ счастью утромъ пробудимся,
Мирно вечеромъ заснемъ.
Ахъ! когда я, другъ, съ тобою —
Время молніей летитъ:
Съ дружбою твоей святою
Жизнь меня не тяготитъ.
Но я слышу, призываешь
Музъ и Грацій ты съ собой
И надолго покидаешь
Деревенскій домикъ свой.
Ахъ, постой! и я стрѣлою
Полечу къ тебѣ туда —
Поспѣши! и я съ тобою
Тамъ останусь навсегда. —

Гжа. де Бурдисъ овдовѣвши, въ другой разъ вышла за мужъ за Гна.

Віота, управителя Государственными доходами. Она рѣшилась жить въ Парижѣ, гдѣ многіе искали ея знакомства. Одарена будучи рѣдкимъ умомъ, Гжа. Віотъ всегда скромно отвѣчала на колкія и дерзскія слова, коими старались ее унизить.

Мы уже прежде сказали, что она не была красавицею; но, при всемъ томъ, дома имѣла привычку часто смотрѣться въ зеркало. Одна изъ знакомыхъ ея, удивляясь сему, попрекнула ее тѣмъ въ присутствіи многихъ особъ. Гжа. Віотъ, говорила она, безпрестанно разсматриваетъ свое лице. Точно такъ, отвѣчала Віотъ; но для того, чтобы узнать, можно ли привыкнуть къ безобразію.

Спустя нѣсколько дней, сія дама сочинила романсъ и принесла его къ Гжѣ. Віотъ, прося ее спѣть оный, съ аккомпанированіемъ на фортепіанахъ. Вы знаете, сказала Віотъ, что у меня нѣтъ голоса. — Напротивъ того, возразила та, очень хорошій, особливо для моихъ стиховъ — и я васъ покор-

нѣйше прошу, не откажите мнѣ въ семъ удовольствіи. — Очень хорошо, ежели вамъ угодно, я буду насвистывать вашъ романсъ; но спѣть его мнѣ не возможно.

Не смотря на то, что Гжа. Віотъ умѣла такъ остро и кстати возражать, она была очень чувствительна; что дѣлало ее любезною въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣли удовольствіе ее знать.

Ничто не отвлекало ее отъ дружественныхъ связей. Ей одолжена была Гжа. Дюбокажъ своимъ пансіономъ, полученнымъ ею отъ Правительства тогда, когда находилась она уже при концѣ своей жизни. Почтеніе, каковое сія послѣдняя имѣла къ Гжѣ. Віотъ, свидѣтельствуетъ объ ея признательности, и дѣлаетъ честь имъ обѣимъ.

Гжа. Дюбокажъ, сдѣлавшись чрезвычайно больна, приготовила завѣщаніе, и послала сказать Віотъ, что она имѣетъ сообщить ей нѣчто весьма важное. Гжа. Віотъ не замедлила

своимъ посѣщеніемъ. „Вы очень любите меня, сказала Гжа. Дюбокажъ: вы мнѣ оказали много услугъ, вы меня прославили, я получаю пенсіонъ, какъ ученая женщина — и всѣмъ этимъ обязана я вамъ. Во время путешествія моего въ Римъ, Папа Венедиктъ XIV мнѣ подарилъ миніатюрную картину въ награду моихъ дарованій; я повторяю сіе выраженіе, оно вамъ прилично; вы меня никогда не оставляли: будьте моею наслѣдницей; пользуйтесь по смерти моей тѣмъ благомъ, котораго вы достойны!“ —

Внезапная смерть почти въ одинъ день постигла двухъ сихъ подругъ. Первая (Гжа. Дюбокажъ) скончалась спокойно; другая отъ жестокой болѣзни; что случилось 1801 года Августа 7го въ Римьерѣ, близъ Баньёлы.

Вотъ портретъ Гжи. Віотъ, изображенный ею самой въ письмѣ своемъ къ одной пріятельницѣ своей: „Вы увидите лице совершенно противное тому, которое изобразили вы со всею подробностію. Небольшой лобъ, маленькіе глаза довольно

выразительные, когда какое нибудь приятное впечатлѣніе дѣйствуетъ на душу мою: вы найдете ихъ точно такими, когда оные будутъ устремлены на ваши глаза; широкое бѣлое лице, нѣсколько рябое; довольно прямой носъ, круглыя щеки, приятной ротъ. Вотъ мое изображеніе! Я имѣла прекрасную талію, которая не много испортилась, когда я стала пополнѣе. Подъ такою наружностію, любезная моя Б., природа наградила меня добрымъ сердцемъ; долгое время чувствительность моя таилась подъ тонкимъ покрываломъ, которое не могло скрывать меня отъ друзей моихъ, и которое скрыло меня отъ публики. Вѣтренность доводитъ меня до большой вольности, и я никакъ не могу исправиться; до излишества предаюсь всему, что льститъ моимъ чувствамъ. Я постоянна нравомъ, но слишкомъ разборчива во всемъ, что называется вкусомъ; живая веселость, которой не возмущало никакое нещастіе, всегда одушевляла мое общество. Во всемъ

откровенна какъ дитя, рѣдко я слѣдовала разуму, но чаще воображенію. Вотъ вѣрной мой портретъ! И такъ, полюбите ли вы меня, и буду ли я тотъ другъ, котораго ищетъ ваша душа: тогда я почувствую больше цѣны себѣ. Если удовольствіе нравиться придаетъ красоту женщинамъ: то нужда быть любимыми придаетъ имъ достоинства. Я знаю, что я имѣю нѣкоторыя свойства для дружбы; вы можете узнать сіе на опытѣ. Но до сихъ поръ я не кончила; удовольствіе бесѣдовать съ вами увлекаетъ меня," и проч.

ГЖА. СТАЛЬ-ГОЛСТЕЙНЪ.

Анна Луиза Жермень Неккеръ была дочь Швейцарскаго уроженца Г. Неккера (котораго система финансовъ болѣе, можетъ быть, всякой другой причины содѣйствовала низпровержению Французскаго трона) и Сусанны Курльгудъ, дочери одного Швейцарскаго пастора, о которой Гиббонъ упоминаетъ съ удивленіемъ. Она родилась въ 1768 году въ Парижѣ, и воспитана подъ надзоромъ своихъ родителей. Ей было почти 12 лѣтъ, когда отцу ея поручено управленіе Министерствомъ финансовъ. Дѣвица Неккеръ съ раннихъ лѣтъ приготовлялась уже для ученаго поприща, и въ дѣтствѣ своемъ еще познакомилась съ твореніями Мармонтеля, Дидерота, Сенъ-Ламберта, Томаса и всѣхъ Парижскихъ ученыхъ, кои принадлежали къ кругу знакомства ея матери. Когда способности ея образовались, то правила господствовавшей тогда Философіи сдѣлались главнѣйшимъ основаніемъ нрав-

ственной ея природы и отличили особеннымъ характеромъ сочиненія и самую жизнь ея. Честолюбіе отца и страсть его къ перемѣнамъ — склонность къ сентиментальной нѣжности и бреднямъ метафизическимъ, достойной впрочемъ всякаго уваженія, матери ея, и безпорядочная опытная Философія такъ сильно подѣйствовали на пылкую душу юной ихъ дочери, что слѣды сихъ первыхъ внезапныхъ остались во всѣхъ ея сочиненіяхъ. Когда Некеръ въ 1781 году въ первый разъ отказался отъ своей должности, тогда дѣвицѣ *Некеръ* было около 15 лѣтъ отъ роду; она поѣхала съ нимъ въ Копетъ, Баронское ихъ помѣстье въ Швейцаріи; отсюда возвратилась въ столицу не прежде 1787 года. Здѣсь познакомился съ нею молодой и пригожій Ерихъ Магнусъ, Баронъ *фонъ Сталь*, посредствомъ Шведскаго Посланника Графа *Крейца*; онъ понравился ей, и назначенъ былъ въ женихи. Вскорѣ потомъ Баронъ *фонъ Сталь* сдѣлался преемникомъ *Крейца* и, къ

досадѣ многихъ молодыхъ Парижанъ, супругомъ богатой наслѣдницы. Но союзъ ихъ не могъ назваться щастливѣйшимъ. Гжа. *Сталь* была молода, богата и хотя не красавица, но имѣла любезную и привлекательную наружность; росту была средняго; отличаясь приятностію во всѣхъ своихъ поступкахъ и движеніяхъ, плѣняла прекрасными выразительными глазами. Стремленіе ея къ славѣ и къ тому, чтобы возбуждать къ себѣ удивленіе, вовсе не соотвѣтствовало простому и болѣе склонному къ тихимъ радостямъ характеру супруга ея: вотъ почему, имѣвъ впрочемъ четырехъ дѣтей и нару.. о сохраняя всѣ обязанности своего званія, оба они, особливо же въ послѣдніе годы жизни, другъ ко другу были холодны. — 1787 года въ Августѣ мѣсяцѣ Гжа. Сталь родила первую дочь, и вскорѣ потомъ должна была сопровождать отца своего въ кратковременную ссылку. Въ живыхъ остаются теперь только двое изъ дѣтей ея: сынъ и

дочь; ибо другой сынъ убитъ на поединкѣ. Въ 1789 году отважилась она въ первый разъ вступить на трудное поприще Словесности съ своими *Письмами о сочиненіяхъ и характерѣ Ж. Ж. Руссо*; хотя и прежде того, по нѣкоторымъ драмаціческимъ піесамъ, премъ повѣстямъ (вышедшимъ въ свѣтъ въ Лозаннѣ 1795 года) и по трагедіи *Джонъ Грей*, была она уже извѣстна Парижской публикѣ. Письма о *Руссо* были приняты Французами со свойственнымъ народу сему энтузіазмомъ. Когда Неккеръ въ 1789 году 11го Іюля, послѣ сего перваго литературнаго тріумфа Гжи *Сталь*, былъ изгнанъ изъ Франціи: то и дочь его, которой вся жизнь состояла изъ безпрерывныхъ странствій, послѣдовала въ ссылку за своимъ родителемъ. Едва достигли они до Франкфурта, какъ были возвращены опять во Францію. Неккеръ въ продолженіи 15 мѣсяцевъ снова управлялъ Министерствомъ; потомъ, будучи въ третій разъ лишенъ должно-

сти, удалился навсегда въ свое помѣстье Копенъ, гдѣ 1804 года Апрѣля 9 го дня кончилъ жизнь свою. Гжа Сталь еще въ 1791 году возвратилась въ Парижъ и приняла живѣйшее участіе въ смутныхъ дѣлахъ сего достопамятнаго времени. Она вошла въ тѣсныя связи съ Таллейраномъ, Сіейсомъ, Лафаетомъ, Нарбонномъ, неблагодарнымъ Ламетомъ, Бернаромъ, Верньо и другими извѣстнѣйшими членами конституціоннаго и законодательнаго Совѣта. Какъ супруга Посланника, она находилась въ безопасности отъ первыхъ разрушительныхъ бурь Революціи; но вскорѣ увидѣвъ, что характеръ сей въ глазахъ Робеспіера не имѣлъ большой важности, принуждена была съ супругомъ своимъ немедленно удалиться, 1793 года, въ Швейцарское свое помѣстье. Когда Герцогъ Зюдерманландскій (Карлъ XIII) призналъ Французскую Республику законною: то Баронъ Сталь въ качествѣ Посланника, 1795 года, возвратился опять съ супругою своей въ Парижъ.

Здѣсь она сообщила свои мысли касательно мира Пишту, и снова приняла столь жаркое участіе въ политическихъ дѣлахъ сего времени, что извѣстный Лежандръ, сильно возставшій въ 1795 году противу вкравшейся системы умѣренности, неоднократно называлъ г-жу Сталь предводительницею сей партіи. Скоро потомъ скончалась мать ея, и г-жа Сталь искала утѣшенія въ обильномъ перѣ своемъ, къ коему обыкновенно прибѣгала каждой разъ при сильномъ душевномъ движеніи. Потомъ написала она въ Лозаннѣ *Разсужденіе о томъ, какое вліяніе имѣютъ страсти на счастіе каждаго человѣка особенно и вообще на цѣлые народы.* Сіе разсужденіе принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ ума ея: оно переведено и на Англійской языкъ самою сочинительницей. Когда Французскія войска вступили въ Швейцарію, она успѣла посредствомъ вліянія своего на Директорію выключить отца своего изъ спи-

ока изгнанниковъ, и не замедлила (въ 1797) удалишься въ Копетъ, дабы избѣгнуть отъ преслѣдованія враговъ своихъ. Въ 1798 году посѣтивъ супруга своего уже на смертномъ одрѣ, поспѣшила возвратишься опять въ Швейцарію. Спустя нѣсколько, написала она о *Словесности въ отношеніи къ общественнымъ постановленіямъ*; что должно почитать продолженіемъ двухъ вышеупомянутыхъ ея сочиненій (*). Когда Буонапартъ, въ 1800 году, во время путешествія своего въ Женеву, посѣтилъ Неккера: тогда г-жа Сталь, желая воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ, прочитала ему длинное свое разсужденіе о системѣ, которой Французскій Консулъ долженъ бы слѣдовать. Буонапартъ слушалъ Пиэсу хладнокровно и когда чтеніе кончилось: то спросилъ г-жу Сталь: „кто занимается воспитаніемъ дѣтей ея?“ Сего вопроса она никогда не могла

(*) Переведено на Рускій Д. *Самсоновымъ*, въ 2 Част.

простить ему. Въ 1802 году г-жа Сталь издала въ свѣтъ извѣстный романъ свой Дельфину, переведенный и на Руской языкъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и его защищеніе. Въ 1803 году г-жа Сталь, пріѣхавши въ Парижъ, заключила съ Швейцарскимъ литераторомъ Бенжаменемъ Констаномъ тѣсную связь, которая продолжалась неразрывно до самой ея смерти. Когда Наполеонъ, за какое-то старое или новое оскорбленіе, выслалъ ее за 40 миль отъ Парижа: то, говорятъ, она сказала ему: „Вы даете мнѣ ужасную славу; я займу строчку въ вашей Исторіи.“ — Такимъ образомъ она отправилась въ Оксеррь, потомъ въ Руанъ, и хотѣла-было поселиться въ долинѣ Монморанси; но мѣсто сіе находилось въ разстояніи меньше 40 миль отъ Парижа, а Буонапартъ не имѣлъ обыкновенія смягчать своихъ приговоровъ; по сей причинѣ Гжа. *Сталь* принуждена была, вмѣстѣ съ своею дочерью и покровителемъ Констаномъ, ѣхать далѣе, сперва во Франкфуртъ, а по-

томъ въ Берлинъ, гдѣ занялась Нѣмецкою Словесностію. Отсюда, въ 1804 году, поспѣшила она въ Копетъ къ больному отцу своему, котораго не застала уже въ живыхъ. Въ слѣдующемъ 1805 году издала въ свѣтъ его рукописи. Послѣ того Гжа. *Сталь* путешествовала по Италіи и собирала тамъ матеріалы для извѣстнаго и на Рускомъ сочиненія своего: *Коринны*. Въ 1806 году, по возвращеніи въ Женеву, выступила опять на театральное поприще и написала драму: *Тайное чувство*. Потомъ выдавала одно за другимъ свои *замѣчанія о Германіи*, *Письма и мысли Принца де Линь*, *Опытъ о самоубійствѣ* (все на Французскомъ языкѣ) и другія небольшія сочиненія, также статьи, кои были помѣщаемы въ Парижскихъ и Женевскихъ журналахъ. Гжа. *Сталь* путешествовала два раза въ Англію, и въ Лондонѣ принята была съ отличнымъ уваженіемъ; въ 1813 году посѣщала Петербургъ, Москву и Стокгольмъ. *Сталь* провела послѣдніе дни

жизни своей въ Парижѣ, гдѣ не только между литераторами, но и между партіями, преданными Конституціи и Министерскою, играла значительную ролю. Послѣднія произведенія обильнаго пера ея находятся въ Меркуріѣ, и недавно еще выдано разсужденіе ея *о главныхъ произшествіяхъ Французской революціи.*

Конецъ.

Лес
Пр
Гж
Гж
Дђ
Гж
Гж
Гж
Гж
Гж
Гж
Гж
Ма
Ма
Ма
Ан
Гж
Ла
Гж
Гж

rsl010
pdf

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Леонора Галлигай.	5
Принцесса Урсини.	12
Гжа. Пюизье.	17
Гжа. Вильдьіо.	24
Дѣвица Дезульеръ.	33
Гжа. Дасье.	40
Гжа Тансень.	55
Гжа. Графиньи.	65
Гжа ле Пренсъ де Бомонъ.	75
Гжа. Буретъ.	81
Гжа. Риккобони.	87
Гжа. дю Боккажъ.	108
Маркиза дю Шателе.	120
Марія Терезія.	127
Маркиза Помпадуръ.	145
Анна Луиза Каршинь.	153
Гжа. де Сенъ-Шамонъ.	169
Лади Монтегю.	178
Гжа. Віотъ.	180
Гжа. Сталь-Голстейнъ.	190

2014141815